

ЛЮБОВНЫЕ РОМАНЫ • КНИГИ О ЛЮБВИ

Красота
СТАНОВИТСЯ
ТОБОЙ

BEAUTY
#4

СКАЙ УОРРЕН

С приближением конца семестра Эрин и Блейк решают затаиться. В конце концов, после этого у них будет всё время мира. Если не считать, что будущее Блейка в университете висит в воздухе, а на родине Эрин назревает беда. Пока пара проходит проверку, им придётся доверить друг другу сочинение своего собственного сексуального конца.

Оригинальное Название: Beauty Becomes You (Beauty #)4 by Skye Warren

Скай Уоррен — “Красота становится тобой”

Серия: “Красота” (4 из 5)

Автор перевода: Ира Белинская

Редактор: Женя Бермас

Вычитка и оформление: Женя Бермас

Обложка: Ира Белинская

Глава 1

Блейк смотрит вниз на свой напиток, пытаясь заставить свой вялый разум проснуться. У него пересохло в горле. Всё его тело болит, будто напоминая, что он не достаточно молод и не может позволить себе так себя вести.

Позади него раздаются шаги. Мужчина слегка поворачивается. Ах, вот она. Эрин. Красавица Эрин со слишком яркой улыбкой для этого времени дня.

Она садится на стул рядом с ним.

— Привет, незнакомец.

— Я вас где-то видел?

— Мы могли встречаться. Думаю, вы преподавали мне один из предметов в колледже.

— Да? Тогда скажите мне, как я справился?

— О, отлично. У вас пять перчиков чили на сайте рейтинга профессоров, — увидев его приподнятую бровь, девушка объясняет: — Это значит, что вы горяч.

Он фыркает, допивая остатки своего яблочного сока.

— Теперь я знаю, что ты врешь.

— Ну, я считаю тебя горячим.

Хотя она просто добра, в его сердце что-то кольнуло. Эрин имеет в виду, что он красив внутри, или она просто привыкла к тому, как он выглядит, и этого ему более чем достаточно. Должно быть.

Наигранно подмигивая, Блейк произносит:

— Я тебя тоже, детка. А теперь, что ты скажешь, если мы перенесём это в какое-нибудь место поудобнее, например, ко мне домой? — он оглядывает свою кухню. — Боже, мы уже здесь.

— Очень кстати, — торжественно говорит она с блеском в глазах.

— Я тоже так подумал.

Мужчина потирает свои пальцы о майку, потому что... ну, чёрт, разве не так делают обольстители? Он понятия не имеет. Прошло чертовски много времени с тех пор, как он был в баре или, на самом деле, где-либо, кроме дома и работы. Он поклялся изменить это как можно скорее. Как только семестр закончится, он будет водить Эрин на ужин и на танцы так часто, сколько она сможет вынести.

Должно быть, Блейк выглядит как идиот — сонный идиот, которому некого винить, кроме себя самого, за то, что не давал ей спать всю ночь. Кажется, она не против, судя по её наглой усмешке. Эрин соскальзывает со стула и обходит его кругом. Он не может оторвать взгляда от её ног. Её голых ног, полностью обнажённых под краем его мятой рубашки. Должно быть, она подобрала её с пола, прежде чем сегодня утром спуститься вниз. И, чёрт побери, на ней рубашка сидит лучше, чем на нём.

Девушка проводит кончиком пальца по его плечу.

— А ты не собирался отвести меня наверх и кое-что мне показать?

Боже, она на самом деле говорила такое в баре? Парни из колледжа, должно быть, безоговорочно ей подчиняются. Да и любые парни. Он сам безоговорочно ей подчиняется. Чёрт.

Блейк прочищает горло.

— Ну, думаю, я мог бы показать тебе свой тезис. Мне говорили, что он очень впечатляет.

Её пышные груди прижимаются к его спине. Блейк закрывает глаза, сдерживая стон. Его твердеющая эрекция натягивает спортивные штаны.

Дыхание касается его шеи сзади.

— Он длинный?

Тезис.

— Достаточно длинный, — потянув её за запястье, мужчина обводит Эрин вокруг и ставит между своих колен. — И очень крепкий.

Она тихо смеётся, опуская взгляд ниже.

— Уверена, это так. Комитет достаёт тебя с этим?

— Давай просто скажем, что я не отступаю от оральных экзаменов.

Он должен отплатить ей оральным сексом, лизать и сосать её тело, разыграть чувственный тест, но девушка опускается перед ним на колени, и каждая мысль, каждая дразнящая колкость улетучивается из его разума. Блейк видит ложбинку между её грудями через низкий V-образный вырез рубашки. Её глаза тяжело застланы возбуждением. Она стягивает вниз резинку его штанов, освобождая тяжёлый, полностью вставший член, и берёт его в руку. Эрин поднимает его, будто проверяя вес. Её ладонь кажется маленькой и бледной под его красноватым членом. Тонкие пальчики обвиваются вокруг пульсирующей, голодной плоти.

— Эрин.

— Я знаю, — шепчет она. — Больно, да?

Боже. Каждую ночь она становится всё более уверенной в своей женской силе, и каждый день Блейк всё больше влюбляется в неё. Нити крепко сжимают его, но он никогда не борется с ними. Именно здесь, с Эрин, он и хочет быть.

Девушка опускается на колени между его ног. Блейк убирает волосы с её лица, наслаждаясь серебристой игрой солнечного света на вершухе её головы. Её поза

чувственная, но когда он смотрит на неё сверху вниз, его эмоции превосходят физические. Её поза покорная, но это он подчиняется её милости.

Озорно изогнув губы, она сжимает член в кулаке и доводит его до края, движение за вызывающим стон движением. Как раз, когда он уверен, что вот-вот взорвётся, Эрин останавливается, оставляя его на тонкой, как лезвие ножа, грани удовольствия и болезненной нужды. Её рука остаётся на месте, держа его, пока она наклоняется вперёд.

Нежные губы прижимаются к скользкой головке в невинном поцелуе. Бархатистая ласка заставляет его бедра дёрнуться вперёд. Мужчина вздыхает в беспомощном отказе. Она убивает его, подавляя, а он ни за что бы её не остановил. Эрин высовывает язык, посылая сладкое удовольствие к его яичкам. Девушка втягивает его неглубоко, держа головку во рту, и упорно сосёт. И Блейк выкрикивает каждое грубое и пошлое слово, которое когда-либо слышал на службе, костяшки его пальцев белеют, держась за край стула.

Она поднимает на него взгляд. Страстное осознание в её взгляде гипнотизирует Блейка. Его испещрённый венами член исчезает между её розовыми губами. Он хочет так многого. Заставить её взять его глубже. Держать её за голову. Обладать ею. Но его любовь к ней обвивает его мягкими как масло цепями, сдерживает его и защищает её.

Новое, неуловимое давление заставляет его сжаться и приподняться, чтобы встретить её губы. Девушка проводит пальцем ниже, где он не может видеть... но боже, он может чувствовать. Искры двигаются вниз по шву его яичек и прямо внутрь. Как она может выносить прикасаться к нему там? Он хочет остановить её, принудить тереть быстрее и сильнее. Барный стул мог с таким же успехом приклеиться к его ладоням. Блейк не может их сдвинуть. Не может остановить её, не может заставить сделать хоть что-то. Это всё она: озорной умысел и щедрое внимание.

Её палец медленно двигается дальше к ожидающей дырочке его задницы. Всё его тело напрягается. Блейк сжимает челюсть, чтобы удержаться и не выкрикнуть “нет”, “остановись” и “да, чёрт побери”. Пламя лижет его яички, и он раскачивается ритмичными движениями, отчаянно желая освобождения.

Пока её палец исследует запрещённую территорию, в глазах Эрин появляется вопрос. “Тебе это нравится?” И в них есть что-то ещё, её ответ. Ей это нравится, и он наполнен благодарностью. Охвачен удовольствием. Возможно, в любую секунду он задымится, но боже, жжение кажется таким приятным.

Круги.

Эта мысль пронзает его дымку похоти. Она рисует круги прямо там, кончиком своего пальца. Мужчина отслеживает ощущение крошечных спиралей в самой его уязвимой точке. Эрин засасывает его глубоко, заставляя его глаза закатиться от удовольствия. Её хватка на основании члена становится крепче, а затем скользит вдоль всей длины. Палец девушки у его заднего входа жмётся внутрь. Маленькая степень проникновения, а он уже потерян. Оргазм захлёстывает и поглощает его. Блейк выкрикивает что-то несвязное и непристойное, изливаясь ей на язык. Дрожь сотрясает его тело, пока он смотрит вниз на неё, как Эрин с любовью слизывает последние остатки семени с его члена.

Всё его тело сжимается от удовольствия, прежде чем расслабиться в сладком удовлетворении. Наконец успокоившись, мужчина разжимает сомкнутые на стуле пальцы. Одна рука путается в её волосах и нежно притягивает девушку к нему. Он целует её с открытым ртом и жадным языком, пробуя внутри неё себя. Его тело удовлетворено, но не его желания. Он хочет попробовать её на вкус, и, судя по тому, как Эрин дрожит в его хватке, ей

тоже этого хочется.

Чувствуя себя дико и отчаянно, Блейк оглядывает кухню. Через открытый вход он видит в гостиной кресло. Не самая удобная мебель, но подушка её защитит. Он хочет заставить Эрин кончить так сильно, чтобы её жидкость полилась на обивку. Он чувствует себя зверем, желая отметить мебель её запахом, её возбуждением.

— Иди за мной.

Чувствуя себя мрачным и суровым, мужчина притягивает её к креслу и усаживает. Немного грубее, чем нужно, но это задаёт тон. Ей нужно понять. Вот как всё будет: он ведёт, а она спокойна. Это был его единственный способ дать ей заслуженное, потому что скажи она хоть одно слово — он подчинится.

Блейк раздвигает её ноги, кладя их на каждую из мягких ручек кресла. Это оковы без фута верёвки. Чем больше он удовлетворяет возлюбленную, тем крепче её ноги привязывают Эрин к месту. Конечно, она всегда может расслабиться и противостоять, но не будет этого делать. Мрачное веселье в глазах девушки говорит, что она понимает игру и принимает её. Эрин раскрывает губы, и ускорившееся дыхание означает, что ей на всё плевать, пока он даёт ей всё, что необходимо.

Складочки её влагилицы блестят в слабом свете. Блейк пронзает своими пальцами влагу, наслаждаясь тем, как они скользят. Так прелестна. И его, вся его. Он погружается во влажный жар. Его член снова дёргается, готовый занять своё полноправное место. Нет. Не в этот раз. Блейк движется дальше на север, где нежное удовольствие сжимается в нервы. Он гладит её клитор, и девушка вздрагивает.

— Блейк.

Эрин звучит потерянно и прекрасно. Что он с ней делает? Следует ли ему остановиться? Оставить её в покое? Он не может.

— Молчи, — произносит мужчина. — Держи руки на стуле. Если заговоришь или дёрнешься, я остановлюсь.

Он подаётся вперёд, чтобы вдохнуть её естественный сладкий запах. Чёрт, он сходил по нему с ума. Первая проба делает его твёрдым как камень. Вторая вызывает стон лихорадочной жажды. Её киска пухлая и набухшая, горячая под его губами. Блейк находит языком ключ возбуждения, вызывая больше жидкости и выпивая её.

Её знакомый мускус переносит его в другой мир, куда никогда не вторгается время. У него есть вечность, чтобы упиваться складочками и сосать её клитор. Он издевается над ней своим языком, вытягивая прерывистое дыхание и резкие вдохи, но она так хороша. Так послушна. Девушка остаётся практически тихой, практически спокойной.

Блейк поднимает взгляд, и у него замирает сердце от того, что он видит. Её расфокусированный взгляд становится стеклянным из-за непролитых слёз. Её раскрытые губы дрожат. Он собирался растянуть это, заставить Эрин ждать и, может быть, вернуть долг, исследовав её узкую дырочку вниз. Но он не может выстоять, видя её в такой сексуальной агонии.

Всунув два пальца внутрь, он находит особое место, которое заставляет её дёрнуться. Его губы смыкаются на клиторе, жестоко его всасывая. Всё тело Эрин напрягается. Её бедра толкаются к его лицу. Чувственное насилие становится слишком жестоким, слишком большим, пока он скользит своей свободной ладонью, всё ещё влажной от её соков, по нежной внутренней стороне её бёдер, в лёгкой ласке, чтобы довести до грани.

Девушка кричит от облегчения, пока влага течёт по его губам и вниз по подбородку,

покрывая кресло, как он и представлял. Позже Блейк помогает ей опуститься с помощью лёгкий лизаний и нежных поцелуев. Когда её тело прислоняется к спинке кресла, он подхватывает любимую на руки и обнимает, пока дрожь не стихает.

Её дыхание успокаивается, и на минуту он думает, что девушка заснула. Её голос звучит одурманенным, когда Эрин говорит, невнятно и с придыханием.

— Я прошла?

Ему требуется минута, чтобы соединить точки к их фантазии о преподавателе и студентке в самом начале.

— Очень даже, милая. Ты моя лучшая студентка.

Она фыркает, издавая смешок.

— Лучше мне быть твоей единственной студенткой, когда дело доходит до оральных экзаменов.

— Моя единственная и неповторимая.

Блейк целует её в макушку и задерживает губы на этом месте, упиваясь шёлковыми локонами её волос. Его единственная, его неповторимая. Его всё. Через несколько дней это будет постоянно. Безопасно. Через несколько недель это будет по-настоящему.

Эрин подходит к бару и делает глоток напитка Блейка, на мгновение желая, чтобы янтарная жидкость была настоящим алкоголем, а не соком. Она поворачивается и замирает от того, что видит. Мужчина сел в кресло, где только что была она. Блейк обнажён, одна лодыжка скрещена с другой. Сильные руки, которые могут быть до невозможности нежными, свободно свисают с обеих сторон кресла. Он откидывает голову на спинку кресла, закрывая глаза. Выражение его лица такое мирное, что она не может отвести взгляд. Её лицо краснеет, когда девушка осознаёт, что, должно быть, он чувствует под собой доказательство её восторга. Эрин могла бы смутиться ещё больше, но её отвлекают его следующие слова.

— Думаю, нам следует прекратить встречаться до конца семестра.

Она чуть не падает со стула, на котором сидит.

— Что?

Блейк с опечаленным — и раздражённым — видом подаётся вперёд.

— Послушай, я разобрался с Мелиндой. С этим покончено. Но разговор с ней вызвал у меня чувство... ну, вины. Будто я могу пользоваться тобой, даже если не намереваюсь. Я должен знать, что намерения не важный фактор. Важны мои действия.

— Ты не пользуешься мной.

Эрин чувствует себя шокированной, опустошённой. И в каком-то роде, обиженной. Будто она ребёнок, неспособный сделать свой собственный выбор.

Он строит гримасу, кажется, прочитав её мысли.

— Я не это хотел сказать... но намерения на самом деле не важны. У тебя есть все права злиться, но, надеюсь, ты поймёшь.

Она молчит, ненавидя, что понимает. Эрин любит его прямо, и именно это видит сейчас.

— Я ненавижу это решение, — говорит он. — В любом случае, я потеряю тебя. Я должен выбрать такой вариант, который будет длиться не долго. Давай сделаем это на пару недель. До Бала факультета. К тому времени уроки закончатся, оценки будут известны, и твой диплом будет закончен. И после этого у нас будет вечность. Ты мне доверяешь, Эрин?

Её сердце разбухает. Конечно, она доверяет ему. А вечность... ну, она сделает

практически всё ради вечности с ним. Даже откажется от него на несколько долгих недель.

— Да, — произносит девушка, затем прочищает горло, смущённая официальности своих слов. — Я доверяю тебе. Мы можем с этим справиться.

Его улыбка отражает чистое облегчение.

— Хочешь поехать со мной домой? — выпаливает она.

Приподнимается одна бровь.

— Сейчас?

— Я имею в виду свой родной город. Поедем домой, познакомишься с моей мамой. Так будет лучше, чем если ты познакомишься с ней здесь, где она будет... — сглотнув, она оглядывает его кухню. Толстая лепнина под потолком и приборы из нержавеющей стали. — Ну, она может сделать выводы о тебе по твоему дому.

Встав, он идёт к ней. Боже, полностью обнажённый. Почему она не может перестать пялиться?

Блек кладёт ладонь на её шею сзади, притягивает девушку к себе и целует её в носик.

— Ты только что пригласила меня познакомиться с родителями? — дразнится он. — Это, должно быть, серьёзно.

Она кивает, усмехаясь.

— Ну, родитель только один. Но да, я бы сказала, что это серьёзно.

— Рад это слышать, потому что я тоже серьёзен. И я хочу, чтобы ты переехала ко мне.

У неё перехватывает дыхание. Она оглядывает величавый дом.

— Сюда?

— Такова была идея. Только если тебе нравится. Если нет, мы можем вместе поискать какое-нибудь другое место.

— Нет, дело не в этом. Мне очень нравится твой дом. — Что-то мешает ей сказать “да”. Находиться под его контролем, финансово, физически. Она всю жизнь борется, учится и работает, чтобы никогда не приходилось отвечать перед мужчиной. Хоть она знает, что Блейк никогда не причинит ей боль, тяжело отказаться от этой мечты. — Я просто хочу сказать... Я всё равно провожу здесь всё своё время.

Выражение его лица нежное и болезненно понимающее.

— Всё будет иначе, если ты будешь со мной, каждый день. Каждую ночь. Но всё в порядке. Ты не обязана отвечать сейчас. После семестра. Это может подождать.

В её вздохе присутствует облегчение и благодарность.

— Спасибо тебе.

— Я не буду торопить тебя, потому что мне нужно, чтобы ты была уверена. Как только ты будешь со мной, я не смогу тебя отпустить.

Девушка вздрагивает от мрачной нотки собственничества в его голосе. После экзаменов она сможет мыслить ясно. Затем скажет ему “да”, верно? Она не может представить, что скажет ему “нет”. Её любовь к нему представляет большую угрозу, чем когда-либо сможет доминирующий мужчина. Блейк вскружил ей голову и залёг глубоко в её душе. От этого нельзя будет отказаться. Эрин заглядывает за выступ, с которого, как она знает, спрыгнет, измеряя расстояние. Если быть честной, она уже на пути вниз.

— Просто пообещай мне кое-что, — говорит он. — Я могу не всегда быть рядом с тобой, но никогда не буду далеко. Если ты когда-нибудь попадёшь в беду, или тебе что-нибудь понадобится, ты дашь мне знать. Пообещай.

Она тает, её сердце плавится.

— О, Блейк.

Он дарит ей кривоватую улыбку.

— Нет ничего слишком маленького. Если тебе нужно поменять лампочку, или ты найдёшь паука в душе, я рядом.

— Хорошо, хорошо, — с поддельной снисходительностью произносит она, хоть ей это и кажется чертовски милым.

Её бывший парень, Даг, интересовался ею только, когда они были вместе. И у её мамы, такой замечательной, какая она есть, хватало забот с работой, чтобы не взваливать на себя то, как Эрин справляется день за днём.

Особенно в последнее время, когда она не может даже ответить на телефонный звонок. Также быстро Блейк меняет тему на более безопасную.

— Итак, прошло много времени с тех пор, как я знакомился с какими-нибудь родителями. Я даже не уверен, что это за собой влечёт.

Эрин усмехается.

— Лучше подумай о своих манерах.

Он кладёт ладонь себе на грудь.

— Я буду вести себя лучше всех. Она ведь не разгонит нас по разным комнатам, да?

— Я в этом сомневаюсь, учитывая, что там только одна спальня, кроме её собственной. Хотя я предполагаю, что мы всегда можем заставить тебя спать на диване.

— Не могу её винить. У меня худшие намерения в том, что касается тебя, — мужчина становится серьёзным. — Это может подождать до конца летнего семестра, верно?

— Да, конечно. Всё равно поездка слишком долгая, чтобы уложиться в выходные. Мы проведём там несколько дней. Плюс, если ты не против, нам следует взять твою машину. Не думаю, что в моей осталось так много бензина.

— Мне не нравится, что ты водишь эту штуку.

Она закатывает глаза.

— С ней всё в порядке.

Блейк хмурится.

Она отворачивается, чтобы скрыть улыбку, тайно довольная его защитой. Через минуту он появляется прямо за ней, наклоняя девушку над барным стулом.

— Вы только что закатили глаза в ответ на мои слова, юная леди?

— Что ты будешь с этим делать? — насмехается она над ним.

— Кое-что нехорошее. Ты ведь на это надеялась?

Да. Но она слабым голосом возражает:

— Мы только что этим занимались.

Он надавливает ей на поясницу. Его пальцы играют на внутренней стороне её бёдер, пробираясь выше.

— Если я буду без тебя три недели, мне понадобится что-нибудь, что поможет продержаться. Так что давай посмотрим. Обычно как минимум раз в день. А я не буду видеть тебя... слишком много дней. Думаешь, мы сейчас сможем всё это наверстать?

Девушка фыркает, смеясь, но её глаза расширяются, когда он не начинает смеяться в ответ. Он не может быть серьёзен.

— Согласен, — непринуждённо говорит Блейк. — Так много раз за один день кажется чрезмерным. Пять должны всё решить.

Даже пять раз много... она сотрётся. Разве нет? Только если не будет очень, очень

мокрой.

— На самом деле ты этого не сделаешь.

Он наклоняется к её уху и шепчет:

— Посмотрим.

Глава 2

За две недели до конца семестра

По лицу Эрин текут слёзы к тому времени, как Кэри Грант поцеловал Дебору Керр в монохроме, которая, наконец, рассказывает, почему не встретила его в ту роковую ночь в “Эмпайр Стейт Билдинг”.

— Если что-то должно было случиться с кем-то из нас... почему это была ты? — душераздирающим тенором произносит в телевизоре Кэри Грант. Эрин смотрит на эмоциональный разговор, не скрывая слёз.

Поздним вечером отсутствие кабельного телевидения не оставляет много вариантов, но когда она увидела в программе “Незабываемый роман”, в ней что-то откликнулось. Возлюбленные были разлучены шесть месяцев, в то время как сама Эрин не видела Блейка семь дней. Ну, ладно, может быть, она ведёт себя слишком драматично. Но хоть они тайком встречались друг с другом во время семестра, она не может дождаться времени, когда их отношения смогут быть публичными.

И постоянными.

— Если ты смог писать... Я смогу ходить. Мир может перевернуться с ног на голову... если...

Играет музыка, и Эрин пользуется ещё одной салфеткой, чтобы высморкаться. Боже. Что за фильм. Мир может перевернуться с ног на голову. Да, она кое-что об этом знает. Все знают, если когда-нибудь были влюблены. Это переворачивает мир с ног на голову — и только Блейк кажется ей правильным. Только он стоит рядом с ней.

Эрин не может продолжить эту нить мыслей. Это слишком печально, а она уже рыдает из-за фильма. Девушка в смятении осматривает остатки своего перекуса. Большой беспорядок. Она без проблем может убираться в домах других людей, но её крошечная квартирка, кажется, всегда была переполнена мусором. Нажав кнопку пульта, Эрин выключает телевизор, погружая комнату в темноту. Проблема решена.

Скрип от двери говорит ей, что кто-то пришёл. Она не давала Блейку ключ, но её сердце всё равно трепещет, будто это может быть он. В темноте девушка закатывает глаза от своих мыслей. Она по уши в него влюблена.

Кортни проскальзывает в квартиру и запирает дверь. Она наполовину прокрадывается к своей спальне, когда Эрин начинает говорить.

— Хорошая ночь?

Кортни взвизгивает.

— Я думала, ты будешь спать.

— Не могла уснуть. Просто смотрела фильм.

— Оу, хорошо.

Кортни неловко стоит на месте.

Эрин с подозрением смотрит на подругу. Какого чёрта нашло на её соседку? Её поза кажется слегка виноватой, как у подростка, сбежавшего на ночь, хотя ни одна из девушек не

следит за другой. Секундочку...

— Ты снова сошлась с Дерекком, да?

Со смущённым звуком Кортни падает на диван рядом с ней.

— Да. Ладно. Это так плохо?

— Да, — отвечает Эрин. — Нет, я не это хотела сказать. Я имею в виду, что ты можешь делать что хочешь. Никто не можешь судить тебя за твой выбор, а я в последнюю очередь.

— Но ты не одобряешь.

Ну... нет, не одобряет. Дерек немного придурок. Он не ценит Кортни, он звонит ей только когда ему скучно.

— Я просто думаю, что ты заслушиваешь лучшего, вот и всё. Ты безумно красивая и умная.

— Он завидная партия, — в защиту произносит она.

— Я знаю, — соглашается Эрин, зная, что нет шансов выиграть этот спор. Если она оскорбит Дерекка, то оттолкнёт свою подругу.

Разбрасывая целлофановые обёртки, Кортни роется в беспорядке на кофейном столике, пока не находит попкорн.

— Я знаю, как он себя проявляет. И, может быть, я заслуживаю лучшего, но...

— Но?

— Но не все могут найти кого-то идеального. Солдата, профессора. Блейк добр к тебе, он безума от тебя. Ты практически сорвала джек-пот среди бойфрендов.

На лице Эрин медленно появляется улыбка.

— Да. Так и есть, верно? — её улыбка резко исчезает. — О боже, теперь я действительно хочу его увидеть.

— Девочка, ты влюбилась по уши.

Эрин стонет, утыкаясь лицом в скомканную диванную подушку.

За неделю до конца семестра

Блейк потягивается и моргает слезящимися глазами, глядя на экран своего ноутбука, ослепляющего в тёмной комнате. За дни, пока у них с Эрин ограниченный контакт, он написал двадцать страниц гранта. Такого, какой бы написал, если бы собирался присоединиться к университету в качестве постоянного преподавателя факультета. Он думает, что это тоже довольно хорошо. Блейк в восторге от того, что поделится этим с Эрин. Этому придётся подождать до конца семестра, и он сможет увидеть её снова.

Чёрт, он скучает по ней. Его беспокойства за их отношения уже почти исчезли, но это разделение раздавило все сомнения.

Однажды Блейк нуждался в ней. Он опирался на её силу и следовал за её светом. Теперь он знает, что может жить без неё. Это сухая, скучная и холодная жизнь, но он может справиться. Просто не хочет. Его желание к ней очистилось от отчаяния и депрессии. Теперь есть только любовь, чистая и блестящая. И в настоящий момент, без её присутствия, пустая.

Захлопнув крышку ноутбука, мужчина заставляет себя вернуться в кровать. Простыни под его обнажённой кожей смятые и прохладные. У него появилась привычка спать с Эрин обнажённым. Он продолжает так делать, даже если бархатистый хлопок и её слабый затяжной аромат возбуждает его. Снова.

Блейк закрывает глаза и пытается заснуть. Уже три часа ночи. Ему просыпаться через

пару часов, чтобы ехать в кампус. Эрин будет на уроке, совершенно неприкасаемая. Ещё раз, почему он согласился на это расставание? Нет, он предложил его. Идиот. Что-то касаясь осторожности на финишной прямой. Он не уверен. Он не может думать, когда его член пульсирует и встаёт. Боже.

Мужчина скользит рукой к своей тяжёлой эрекции, осторожно потирая чувствительную плоть. Он должен позаботиться об этом. Не велико дело. Не было велико, до Эрин. Теперь его член возражает против мозолистой ладони, которая внезапно стала казаться наждачкой. Его член хочет нежного, гладкого обилия тела Эрин, но это слишком чертовски плохо.

“Просто смирись с этим”.

Двигая рукой вверх-вниз, он позволяет свои глазам зажмуриться. Блейк представляет, что вместо тёмной комнаты светят лучи солнца. Вместо спутанных простыней на его бёдрах висит влажное полотенце. А вместо пустого дома — Эрин, которая приехала убраться в его доме в тот день, много месяцев назад.

Он никогда не узнает, планировал ли тайно, подсознательно, чтобы она нашла его, обнажённого и прикасающегося к себе. Он никогда не узнает, пришла ли она в его комнату найти его, вместо того, чтобы как обычно работать внизу, потому что тоже хотела этого. Но в тот день он был абсолютно раскрыт, и когда понял, что девушка увидела, как он кончает и выкрикивает её имя, — почувствовал унижение и крайнее возбуждение.

Конечно, тогда он больше переживал о том, что спугнёт её. Но сейчас, одинокий и ни с чем, кроме фантазий, он позволяет себе представить всё иначе. Он не кончает, а вместо этого замечает её, всё ещё трахая свой кулак. Эрин не сбегает, нет, она подходит ближе с озорной улыбкой на губах. Девушка опускается на колени между его ног на кровати и перенимает власть своими руками, своим ртом.

Когда он пытается возразить, она качает головой и прижимает его руки к кровати. “Лежи смирно”. Он вздрагивает, но подчиняется, страдая от экстаза, пока она дразнит его. В реальности его собственная рука доставляет стремительные и резкие ласки его пульсирующему члену, но в его фантазии до грани его доводит её горячий рот, ловкие руки и больше всего — знающий блеск в её глазах, посылая тёплую сперму на его плоский живот.

Пока он в последствии восстанавливает дыхание, брызги его оргазма охлаждаются до явно не сексуальной субстанции. Мужчина вздыхает и удаляется в ванную, чтобы вытереть начисто тело. У него будут долгие, тяжёлые дни, пока он не сможет снова её увидеть. А когда сможет? Ну, идея привязать её к кровати кажется всё лучше и лучше. Дни, месяцы и годы удовольствия. Навечно.

Глава 3

За три дня до Бала факультета

Коридоры сменяются за минуты до начала урока. Отстающие, которые болтали после предыдущего урока, расходятся. Опаздывающие спешат найти свои кабинеты, прежде чем прозвучит звонок. В этом здании учатся по большей части выпускные курсы. Конечно, нет никаких официальных наказаний за опоздание на урок, но показание уважения — часть игры.

По крайней мере, так обстоят дела с большинством профессоров. Блейк, кажется, не играет в такую игру. Он никогда не против, когда народ опаздывает или им приходится для чего-то уходить раньше. Эрин практически никогда не видела его раздражённым, ни на

уроке, ни рядом с ней, что является огромным облегчением после таких долгих переживаний.

Её прежний парень, Даг, не был злым человеком, но всегда бесцеремонно критиковал. Она была достаточно юна и глупа, чтобы принимать это, чтобы меняться ради него, думая, что не достаточно хорошо. Эрин подсознательно ожидает этого же от Блейка, который так высоко над ней.

После недель, месяцев отношений с ним, она начала расслабляться. Он не собирался изменять ей. Блейк не собирался говорить ей, что она не достаточно хороша. Он уже знает, что её мама убиралась в домах, и относится к этому нормально. Он не предвзят, нет, такой была она. Поглощая боль и предательство, которые получила её мама, не доверяя людям, которые обладают большими деньгами и большей силой. Но Эрин — не её мама, и Блейк никогда не причинит ей боль.

Воспоминание о маме формирует тяжёлый узел в её желудке. Прошло некоторое время с тех пор, как звонила её мама. Не неслыханное количество времени, но девушку охватывает беспокойство. В последний раз, когда они разговаривали, её мама казалась отдалённой. Она упоминала о боли, что-то насчёт беспокоящих коленей. Неужели всё хуже, чем она говорила? Эрин ступает в альков (Прим. пер.: Алькóв — углубление, ниша в комнате или другом помещении) и нажимает кнопку быстрого набора. Звучит пять гудков, прежде чем включается голосовая почта.

— Привет, мам, это я. Просто звоню отметить и спросить, как ты себя чувствуешь. Ты ведь в порядке? Перезвони мне.

Нахмурившись, девушка прячет телефон в сумочку. Придётся попробовать ещё раз позже.

Проскочив в кабинет, Эрин машет рукой своему другу Бейли, проходя в конец класса. Они двое всегда самые тихие во время обсуждений на уроке. Она сдерживается от того, чтобы говорить слишком много, чтобы не выдать ничего о них с Блейком. Иногда она еле слышно поддерживает тему. Бейли слышит и отвечает так же тихо. Однажды она переживала, что он влюбился в неё, но он так и не позвал её на свидание и вообще не делал никаких шагов, что вызвало у неё облегчение.

— Как всё прошло? — спрашивает она, ссылаясь на визит его мамы на прошедших выходных. Он упоминал об этом на прошлых нескольких уроках с типичным страхом юного холостяка.

— Отлично. Она объявила мой дом свинарником и решила остановиться в отеле.

Эрин фыркает.

— Ну, что она может ожидать с тремя соседями?

— Именно так я и сказал. Хотя я, может быть, и ухудшил ситуацию перед её приездом.

— Бейли!

— Я бы не смог выжить, Эрин. Она планирует остаться в городе до тех пор, пока не придут итоговые оценки. Это почти неделя.

— Три дня, — сурово исправляет она. Три дня до тех пор, как они с Блейком снова будут вместе. — После этого мы оба свободны.

Он смотрит на неё любопытным взглядом.

— Ты уже знаешь, куда поедешь? Чем собираешься заниматься?

— Я подала несколько заявлений, — признаётся девушка. Странно говорить об этом Бейли, а не Блейку, но, может быть, так лучше. Она подала заявления в места рядом с домом

Блейка и не хотела подразумевать обещания, которые не сможет сдержать, если говорить о переезде к нему.

— Скрести за меня пальцы, — говорит Эрин. — А что насчёт тебя? Какие-нибудь планы?

— На самом деле, я думал устроить тур по Европе. Найти себя или что-то в таком роде, прежде чем придётся решить, какую специальность я на самом деле хочу выбрать.

— Звучит здорово. И путешествие, и двойная специальность. Я не знала, что ты на это пошёл. Каков выбор?

Он краснеет.

— Подхватил идею Айн Рэнд. Изучаю физику и философию. Физический мир и метафизический. Объединённое, это всё, что можно знать.

Она усмехается.

— Это звучит амбициозно.

— Да, ну, теперь, когда у меня есть степени, я уверен, что просветление придёт в любой день, — парень закатывает глаза в милой, самоуничижительной манере. — Я просто буду ждать.

Её внимание переключается, когда Блейк входит в кабинет. Он выглядит свежим и счастливым. Девушка открывает взгляд, чтобы снова сосредоточиться на Бейли.

Парень смотрит на неё странным взглядом.

— Не дай ему ускользнуть.

Она моргает, а её улыбка гаснет.

— Кому?

— Ты знаешь кому.

Его взгляд устремляется вперёд кабинета, где Блейк отвечает на вопрос двух активных студентов.

— Откуда ты...?

Он пожимает плечами с озорной улыбкой.

— Я бы сам начал действовать, но, очевидно, что ты занята.

У неё перехватывает дыхание.

— Бейли...

— Всё нормально, Эрин. Просто... держись за это, вот и всё. Если он делает тебя счастливой. В этом вся суть. Быть счастливым.

Она сглатывает. Её улыбка кажется хрупкой... и уже треснутой.

— Это твой совет как физика или как философа?

— Как обоих.

Таким знакомым движением, какое причиняет ей боль, Блейк переворачивает стул и садится на него задом наперёд лицом к классу. Его локти лежат на спинке стула, запястья свободно свисают. Весь кабинет замолкает от хорошо заработанного уважения.

Блейк проделал такую удивительную работу. Намного больше, чем она могла представить. Он умный, внимательный и страстный, да. Она очень хорошо это знает. Но его реальная сила — пробуждать их умы. Испытывать их мысли и выставлять на передний план их страсть.

Она будет скучать по этому уроку. По энергии и тому, как она зажигается, когда он говорит. По тому, как Блейк загорается, когда действительно попадает в точку, будто нашёл себя в задании делиться знаниями.

— Сегодня наша последняя встреча, — говорит он. — Так что я хочу очень быстро пробежаться по графику. Ваши итоговые документы попадут ко мне в полночь. Из-за сокращённого летнего расписания, я должен выставить оценки за очень короткий промежуток времени, так что не опаздывайте. Я не смогу предоставить вам отсрочку или дополнительные баллы. Как только я сдам оценки на следующей неделе, даже я не смогу их изменить. Понятно?

За его объявлением следует волна кивков и нескольких изворотливых взглядов, вероятно, от местных, кто будет допоздна работать над документом. Её охватывает предвкушение. Оценки выставляются в тот же день, когда у неё сдача диплома... в тот же день, на который назначен Бал факультета.

А на следующий день она сможет снова увидеть Блейка.

— Сегодня наша последняя встреча, — повторяет он, уже в задумчивой манере, — так что ещё я хочу сказать вам, как невероятно я всеми вами впечатлён. Как я благодарен, что вы вытерпели меня, пока я, запинаясь, читал свою первую лекцию. Как я верю в каждого из вас.

Эрин закусывает губу, чтобы не вздохнуть вслух. Оглядываясь, она видит смущённые румянцы и яркие глаза. Боже, он превратил полный класс студентов в участников внеклассного занятия.

Она любит его. Она восхищается им.

— Альберт Эйнштейн однажды сказал, что воображение намного важнее знания. Я сижу здесь в качестве вашего профессора из-за тех вещей, которые знаю. Это знание. Вы сидите передо мной потому, что у вас есть инициатива, амбиции и креативность, чтобы что-нибудь с этим сделать. Это воображение. То, что есть у вас, намного важнее того, что могу сделать я. Вы превосходите меня.

В кабинете воцаряется мучительная тишина.

— Кто-нибудь может сказать мне, за что Эйнштейн получил Нобелевскую премию?

Все молчат. Эрин не уверена. Это было за физику, это уж она знает. Её научные знания ограничены экспериментами с мячиком для пинг-понга на уроках в старшей школе. Но Бейли специализируется на физике. Она бросает взгляд на него.

Бейли отвечает неохотным взглядом. Он никогда не говорит на уроках, но, кажется, не может оставить без ответа этот вопрос.

— За фотоэффект, который привёл к открытию квантовой физики.

— Да, это верно, — говорит Блейк. — Можешь рассказать нам, что это значит, словами непрофессионала?

Бейли подаётся вперёд. Очевидно, его интересует эта тема. Это вовлекает его в обсуждение, которого он так долго избегал, и с внезапным озарением Эрин задаётся вопросом, сделал ли это Блейк специально. Единственный студент, который отказывался участвовать, кроме неё, и Блейк задел важную для него тему.

— В былые времена, — объясняет Бейли, — материя была создана из частиц, а свет из волн. Но во время экспериментов с ультрафиолетом, люди установили, что волновая теория не подходит под определённое поведение. Эйнштейн был тем, кто предположил, что свет, на самом деле, тоже состоит из частиц.

Блейк кивает.

— Были физики и учёные с полным знанием того, как всё устроено. Знаний было недостаточно. Их никогда хватило бы, чтобы сделать этот прыжок. Только воображения было достаточно. Бейли, как ты можешь определить, что является частицей, а что волной?

— Это невозможно. Если вы измеряете вещь в частицах, она — частица. Если вы измеряете её волной, она — волна.

— На самом деле, всё идёт на шаг дальше. Если вы хотите исследовать электрон, вы должны по существу бросить в него фотон, таким образом, изменив его направление. Это называется эффектом наблюдателя. Наука 101. И мы тоже учёные, просто социального масштаба. Вы можете придумать пример эффекта наблюдателя в социальных науках?

— Когда журналисты внедряются в военную часть, — предлагает кто-то из студентов. — Эта часть может вести себя иначе под изучающим взглядом, тем самым влияя на исход их миссий.

— Отлично. Что ещё?

Ещё один на мгновение поднимает руку, прежде чем заговорить.

— Дети должны проходить в школе стандартизированные тесты. Поначалу это было для измерения их прогресса, но теперь преподаватели учат специально для тестов.

— Да, верно. Акт измерения повлиял на первоисточник.

— Помощь, — мягко предлагает Эрин. — Присутствие горничной может изменить поведение членов семьи.

Уголок его губы дёргается.

— Очень даже. — Блейк делает паузу и кажется отдалённым. — Это последний день урока, так что мне нужно сказать вам, что вы все активисты. Каждый из вас и каждый человек, мимо которого вы проходите на улице. Даже если вы сидите и надеетесь, что кто-то другой исправит проблему. Вы не можете игнорировать проблемы мира. Ваше бездействие и является действием. Если вы видите проблему, если вы замечаете её, вы уже оказываете эффект. Единственный вопрос в том, каким будет этот эффект.

— Я всегда был фанатом бросания фотонов, самостоятельно, — острит один парень, и по кабинету раздаётся фырканье и смешки.

Блейк улыбается, но с оттенком грусти.

— Это наш последний урок. И вот, что я хочу вам сказать: самый важный урок, которому я могу вас научить, — это уважать людей, которые не согласны с вами. Они те, кто бросает вам вызов. И даже если вы правы, правы и они. Если вы измеряете что-то как частицу, это частица. Если вы измеряете что-то как волну, это волна. Обе стороны правильные. Уважайте это. Учитесь на этом. Находите общую основу, потому что именно там правда отвечает лжи.

Глава 4

День Бала факультета

Защита диплома занимает два часа, дольше, чем Эрин ожидала. Реакции удивительные. Все члены комиссии задают вдумчивые, интересные вопросы о её исследовании, гипотезах и её методах. Она ожидала почувствовать себя как на допросе или, ещё хуже, обвиняемой. Вместо этого она стоит перед профессорами, перед этими экспертами и, хоть и лидерами, чувствует себя равной.

Это головокружительно и пугающе. Оценки сданы, и комиссия даст свою рекомендацию. Эрин узнает результаты только позже, однако, не переживает об этом. Она трудилась изо всех сил одновременно над документом для урока Блейка и над дипломом. Он всем нутром чувствует, что всё хорошо.

В коридоре её догоняет Мелинда.

— Эрин, могу я минутку с тобой поговорить?

В её желудке появляется страх. Эта женщина вела себя очень тихо во время защиты. Она задала несколько вопросов, которые были прямыми, но не жестокими. Эрин надеялась, что это будет концом.

Сделав для подкрепления вздох, девушка поворачивается лицом к другой женщине.

Мелинда строит едва заметную гримасу, будто знает о дискомфорте Эрин и сожалеет об этом.

— Ты показала себя великолепно. Я серьёзно. Ты хорошо справилась. Ты была на высшем уровне. И твоя работа была сильнее, чем многие докторские, которые я видела.

— Оу, спасибо, — с опаской произносит Эрин, ожидая следующего шага. Ожидая “но...”, которое всё это разрушит.

Мелинда вздыхает, выводя её через двери в маленький дворик.

— Мне нужно извиниться за то, что я недавно сказала. Это было неправильно, и я знала это, но... — небольшой смешок. — Думаю, из всех людей, ты поняла бы, что я потеряла. Кого я потеряла. Я не думала трезво.

Эрин наклоняет голову.

— Я думала, это вы его бросили.

— Да, — признаётся Мелинда. — Я не горжусь этим. Но раньше он таким не был. Он был замкнутым и злым, и я не была уверена, что он когда-нибудь станет прежним. Его шрамы были частью этого, но мы с тобой обе знаем, что они глубже.

Эрин сжимает губы. Она не собирается участвовать в психологическом анализе Блейка, особенно с Мелиндой в качестве партнёра.

— Теперь я могу идти?

Мелинда тихо смеётся.

— Я не могу тебя за это винить. Если он должен в итоге оказаться с кем-то другим, по крайней мере, это кто-то должен действительно заботиться о нём. Что ж, не буду тебя задерживать. Я просто хотела извиниться и сказать тебе, что теперь не буду проблемой между тобой и ним.

Эрин взвешивает искренность её слов и обнаруживает, что верит им. И всё же она не склоняется к щедрости, когда воспоминание о её унижении ещё такое сильное. Эта женщина по сути обвинила её в проституции.

— Я принимаю ваше извинение, но чтобы вы знали... вы бы не смогли устроить проблему между мной и им. Больше нет.

Блестящие губы растягиваются в озорной улыбке.

— Вероятно, насчёт этого ты права. Он верный.

“И он мой”.

Сила слов шокирует её. По крайней мере, Эрин удаётся не сказать их вслух, пока она уходит от Мелинды. Но, по секрету, её уверенность в нём, её чувство собственности становится невероятно сильным. Блейк принадлежит ей. Ей, для любви. Ей, для того, чтобы сбересть.

Девушка сгорает от желания увидеть его прямо сейчас, поцеловать и заняться с ним любовью до тех пор, пока мир не исчезнет во тьму. Однако, сегодня у него Бал факультета. Она ведь сможет прожить без него одну ночь, верно? Это будет рискованным положением. Завтра они снова будут вместе. Завтра у них появится целая вечность.

В квартире девушка обнаруживает, как Кортни собирает вещи. Комната исчезла под горой одежды. Огромный чемодан стоит открытый и пустой. Судя по измождённому выражению лица подруги, дела обстоят не очень хорошо.

Эрин задерживается в дверях.

— Что случилось?

— Случилось то, что мы с Дерекком едем в путешествие, — хмурится она, исследуя пару своих мешковатых штанов. — А мне нечего надеть.

— Куда он тебя везёт, в тундру?

— Близко. Колорадо. Мы собираемся покататься на лыжах. Он забронировал номер в гостинице. Разве это не милейший жест?

— Но ты ненавидишь холод.

— Да, должно быть, он это забыл.

— И разве ты не боишься высоты?

— Верно. Со мной всё должно быть в порядке, если я буду склонов для начинающих, так ведь?

Эрин понятия не имеет. Лыжи определённо никогда не были частью её семейных отпусков, которые по большей части они с мамой проводили на пляже в течение недели. Она подозревает, что даже детский склон будет достаточно большим, чтобы ужаснуть девушку, которая закрывает глаза, переходя мост.

— Ты возненавидишь меня, если я скажу, что это плохая идея?

— Нет. Потому что ты права, и это плохая идея.

— Но ты всё равно идёшь на это.

— Мне нравится, что ты меня понимаешь. В смысле, действительно меня понимаешь. Ты великолепная подруга.

— Хмм, — произносит Эрин, задаваясь вопросом, к чему она ведёт.

— Такая подруга, которая поможет мне собрать вещи и выяснить, что надеть.

Эрин с подозрением смотрит на горы одежды. Майки, мини-юбки. Это как раз то отвлечение, в котором она нуждается. Мысли о раздетой Мелинде на Баллу факультета вместе с Блейком достаточно, чтобы у неё чаще билось сердце. Эрин верит в то, что сказала Мелинде. Блейк ни за что не собьётся с пути. Однако, если он вдруг оглянется и на мгновение задумается о том, что потерял, это всего лишь докажет, что он человек.

— Договорились, — говорит Эрин, втягиваясь в работу. В итоге она достаёт всё из своего шкафа: подходящие наряды, чтобы ее соседка выглядела мило для своих обновлённых отношений, а также достаточно тёплые, чтобы не замёрзнуть до смерти.

Проходят часы, и Эрин теряет себя в разговоре со своей хорошей подругой. Она будет скучать по этому, когда переедет к Блейку. Только она пока не согласилась на это.

Так что, когда Кортни спрашивает её о повышении арендной платы, Эрин быстро говорит:

— Я не съезжаю с ним, — и тут же краснеет. Как только произносит эти слова, она понимает, что это ложь.

Кортни приподнимает брови.

— Хочешь поспорить?

Она знает правду. Даже Блейк, вероятно, знает, что это неизбежно. Все, кроме Эрин, понимают это. Она вызовет у него отвращение. Не сейчас, позже. “Мы поговорим об этом позже”.

Сейчас и есть позже, и, боже, она хочет быть с ним. Ночью и днём. На веки вечные, аминь. “Это, должно быть, серьёзно”, - пошутил как-то Блейк. Когда переживания об учёбе остались позади, она чертовски серьёзна.

— Ладно, я могу с ним съехаться. И, может быть, даже... Я не знаю, выйти за него замуж. Это похоже на сумасшествие?

— Конечно, ты выйдешь за него. Видишь, когда ты находишь парня, который тебе нравится, и с которым ты хочешь заниматься сексом, ты должна поступать с ним справедливо. Иначе он начинает задумываться, используешь ли ты его только ради тела.

Эрин фыркает. Блейк любит, когда она использует его ради тела. Но это хорошая идея. Может быть, она может сделать ему предложение. Оно будет того стоить, чтобы просто увидеть выражение его лица. Не прямо сейчас, но скоро. Может быть, тогда девушка не будет чувствовать себя виноватой из-за того, что сразу не ответила ему насчёт переезда.

Эрин помогает Кортни заполнить чемодан, а затем садится на него, чтобы они смогли застегнуть замок. Они вместе загружают машину её подруги и обнимаются, прежде чем Кортни садится внутрь.

Девушка хмурится.

— Прости, что бросаю тебя так скоро после твоей защиты. Я должна была сводить тебя выпить, чтобы это отпраздновать.

— Я не возражаю, милая. Повеселись. И привези много историй.

— Как всегда. И я всё равно свожу тебя выпить, когда вернусь. Мы вместе сядем в такси и напьемся до отвала.

В желудке Эрин поселяется грусть, когда она машет рукой на прощание, и девушка понимает, что как минимум часть её нерешительно покидает Кортни. Она замечательная подруга. Они всё равно будут подругами, но связь соседок глубже. Они постоянно разговаривают. Они знают секреты друг друга. Теперь будут она и Блейк. Да, она хочет этого, но всё же будет скучать по подруге.

Внутри квартиры звонит её телефон. Девушка чуть ли не бежит, чтобы ответить. Её мама не перезванивала уже несколько дней, и Эрин очень переживает. Номер на экране не принадлежит её матери. Желудок сжимает разочарование.

— Алло?

— Здравствуйте, это Эрин Рейдер?

Официальность тона приводит её в состояние тревоги.

— Да, это я.

Женщина продолжает, представляя себя как главную медсестру отделения неотложной помощи в “Главной больнице округа Лакота”. На Эрин накатывает волна головокружения, но она крепко сжимает телефон и держится.

Голос медсестры звучит сочувственно.

— Я звоню, чтобы сообщить вам, что ваша мать попала в наше отделение после обширного инфаркта.

Её сжимает страх. Инфаркт? Её мама пожилая женщина, но сильная и здоровая. Или была такой. О боже. Мир теряет резкость, пока она слушает остальную информацию. Её мать жива и в процессе восстановления. Она сейчас спит, как и большую часть времени — побочный эффект от лекарств, которые принимает. Да, Эрин сможет навестить свою маму, если приедет до окончания приёмных часов.

Мысли Эрин становятся дикими и беспорядочными, соответствуя состоянию её

комнаты. Её одежда раскидана на полу и кровати. Девушка хватает несколько маек и пару джинс и засовывает их в рюкзак. В каком-то трансе она идёт к своей машине и вставляет ключ в замок зажигания.

Ничего не происходит.

Она достаёт ключ и пытается ещё раз. Двигатель начинает работать и глохнет. Её старое надёжное корыто, наконец, сдаётся, в худшее из возможных времён. Эрин пробует ещё три раза, но машина действительно сломалась.

Чувствуя подступающую тошноту, девушка пытается сосредоточиться. Самое важное — добраться до её мамы. Она может разобраться с ремонтом позже. Но как она доберётся туда? Ехать четыре часа. Единственный раз, когда она села на транзитный автобус от своего города до колледжа, после того, как Даг её бросил, поездка заняла в два раза больше времени со всеми остановками.

У неё кружатся мысли, рассматривая все варианты, которые у неё есть, и она остаётся ни с чем. Эрин не против побыть одна, не совсем против, но в такие времена это больно. Только она не одна.

Блейк.

Он найдёт ответ. Мужчина просил найти его, если он ей понадобится, а он ей нужен.

Эрин вдруг больше не может ждать, когда окажется рядом с ним, положится на его силу и почувствует её объятия. Любая попытка защитить себя исчезает. Она уже принадлежит ему, находится под его властью и признанием. Это никак не относится к тому, где находится её тело. Во времена страха и беспокойства её сердце обращается к нему.

Блейк делает глоток своего коктейля. Сладкий сироп липнет к его языку, а ликёр обжигает горло, но выпивка всё равно лучше общения. Ему уже пришлось дважды рассказать историю о своих шрамах, и у него нет желания рассказывать её в третий раз.

Конечно, он выдал шероховатую версию. Правда не подходит под струнный квартет или наряды на Балу факультета, хотя этот факт не мешает никому задавать вопросы. Они говорят, что его шрамы очень интересные, будто это лучший комплимент. И для компании вычурных интеллектуалов, вероятно, так и есть. Сначала они принимают его отказы как скромность, а затем уже как грубость, пока он покорно не рассказывает о том, что произошло, скрывая истину.

— Вот ты где.

Невнятные слова раздаются прямо за ним. Неуверенной походкой приближается Джереми Мозли, декан его факультета и босс на этот семестр.

Блейку хочется, чтобы он смог выдержать авторский коктейль достаточно, чтобы напиться.

— Джереми. Приятно тебя видеть.

Он усмехается.

— Ха, я знаю, что ты избегал меня.

Даже в пьяном состоянии мужчина умён.

— Прости. Я был немного занят.

— Не так уж занят. Я слышал, семестр у тебя прошёл отлично. — Он выглядит самодовольным. — Я знаю, что ты думаешь о том, чтобы обновить контракт. Я дам тебе пару дней подумать над этим, прежде чем начну навязываться.

Чёрт, этот мужчина снова прав. Он раздумывает над тем, чтобы сделать это... как

только они с Эрин разберутся во всём. Как только она переедет к нему. Если она переедет к нему. Блейк делает ещё один глоток, морщась от тошнотворно сладкого вкуса.

— Отвратительно, я знаю, — продолжает Джереми. — У меня есть тайник, если ты “за”.

— Я думал скоро уйти.

Сейчас десять часов. Не совсем поздно, но он хочет лечь в кровать в разумное время и утром увидеть Эрин. Для неё у него запланирован полный набор мероприятий, который потребует большинство часов дня и большинство поверхностей дома.

— Нет, брось. Ночь ещё молода.

— Может быть, а я нет.

— Брось, ты самый молодой парень в зале. Пара парней собиралась пойти в подвал факультета. Бьюсь об заклад, ты о нём не слышал, когда учился здесь.

Его подталкивает любопытство.

— Ладно, что за подвал факультета? И если ты расскажешь мне о кнутах и цепях, я определённно с тобой не пойду.

Джереми фыркает.

— Ну, по сравнению с этим всё будет звучать скучно. Это комната отдыха для профессоров. Что-то вроде “только для членов клуба”. Там милая мебель, хороший ликёр и бильярдный стол, который стоит здесь с момента создания университета.

— Ха. — Это ему хочется увидеть. У него всегда была слабость к университету, даже когда он был первокурсником с широко раскрытыми глазами. Его веселит осознание, что можно открыть что-нибудь новое в месте, где он пробыл так много лет. Блейк оглядывает комнату, ловя при этом несколько любопытных взглядов в свою сторону. — Пойдём.

Они собирают парочку штатных профессоров, которых Блейк встречал раньше, и направляются в здание, расположенное через два от этого, а там вниз, в подвал. Блейк пообещал Эрин и себе, что попробует вернуться в общество. Это означает больше, чем просто работа от часа до часа, что бы это ни было. Это означает редкие социальные связи, как эта. Он с нетерпением ждёт времени, когда Эрин начнёт присоединяться к нему на таких вечеринках. Если он собирался раньше сбежать с вечеринки в какой-то слабо освещённый тайник, то лучше бы сделал это с ней.

Внутри подвала факультета располагаются толстые кожаные кресла, видя которые ему хочется надеть смокинг. Другие парни начинают игру на покрытом зелёным войлоком бильярдном столе в углу, но Джереми подходит и садится рядом с ним. Он хочет о чём-то поговорить, но Блейк может быть терпеливым. Он принимает предложенный стакан виски и сигару.

Джереми устраивается напротив него и мгновение молчит.

— Я слышал, вы с Мелиндой Дженкинс были вместе, — говорит он.

Блейк приподнимает брови.

— Что с этого?

— Просто интересно, есть ли ещё что-то между вами двумя.

Боже. Сначала историей для компании были его чёртовы боевые шрамы, теперь его спаивают, чтобы поговорить о прошлых страданиях безнадёжной любви. Возвращаться в общество уморительно.

— Нет. Всё конечно. Безусловно.

— Рад это слышать.

Брови Блейка снова взлетают вверх.

— А что, есть какой-то пункт против межведомственных отношений?

Джерери кратко смеётся.

— Надеюсь, нет. Я думал пригласить её на свидание.

— Оу.

Ну, это добавляет новый поворот в их совместную попойку на ночь.

Он бросает взгляд по сторонам.

— Так что ты думаешь?

— Насчёт тебя и Мелинды? Я ничего об этом не думаю. Всё равно.

— Ты должен что-то думать. Ты думаешь, что она слишком горяча для меня?

— У меня даже не было такой мысли.

По крайней мере, насчёт этого он может быть честен.

— Ну, брось. Скажи мне что-нибудь. Я как раз собирался начать действовать, когда узнал о вас двоих. И понял, что мог бы пригласить сюда своего главного конкурента. Ещё я слышал, что она разговаривала с тобой.

Хмм. Он верит слову Мелинды о том, что она не будет распространяться о них с Эрин, но будет лучше не сильно давить на это.

Блейк притворяется, что думает над этим. А затем действительно начинает думать. Мозли умный парень и кажется достаточно амбициозным. Мелинда может помочь поддержать его. Блейк не сводник, но это не плохой поступок.

Он пожимает плечами.

— А я какого чёрта знаю?

— Спасибо, приятель. Очень вдохновляюще.

У него вырывается удивлённый смех. Блейк предполагает, что действительно слишком долго был не в теме. Он забыл, как быть другом.

— Чёрт. Прости.

Он наклоняется вперёд, глядя на свой напиток. Вид янтарной жидкости напоминает ему об утре с Эрин несколько недель назад, и, боже, что это было за утро. Он не может дождаться его повторения. Предпочтительно каждое утро с этих пор.

Навсегда. Мысль должна была его напугать: быть стандартным, полным жизни мужчиной. Но мысль не о вечности, о её потере — настоящая угроза. Блейк сделает всё официально и попросит её выйти за него замуж, но может спугнуть её. Попросить её съехаться уже было большим шагом, а она ещё не сказала “да”. Эрин ещё молода. Он чувствует отдалённую вину за то, что привязывает её. Но не достаточную вину, чтобы остановиться.

Кроме того, он лучше всех знает, что кольцо на её пальце не даст никакой гарантии. С Мелиндой не дало. Они с Эрин могли предложить друг другу не всё сразу. Впервые он думает, что этого может быть достаточно.

— Ты должен пригласить её на свидание, — наконец говорит Блейк. — Даже если не сработает, по крайней мере, ты воспользуешься шансом. Это лучше, чем не попробовать.

Его босс смотрит на него.

— Это похоже на голос опыта.

— Так и есть, и ты был тем человеком, кто помог мне вернуться. За это я тебе должен.

Джерери хлопает его по плечу.

— Тогда приходи работать на меня. На постоянную должность. Администрация примет

тебя в мгновение ока.

Ох, кажется, они дошли до той части вечера, где он собирался навязываться. Какого чёрта, Блейк уже знает, каков будет его ответ. Преподавать слишком чертовски весело. Как и жить, как он узнал.

Он делает глоток дорогого ликёра. И этот глотаётся легко.

— Тогда я в деле.

Больше книг Вы можете скачать на сайте - Knigolub.net

Глава 5

Чувствуя отчаяние и головокружение от беспокойства, Эрин набирает и стирает номер телефона Блейка. Дома он тоже не поднимает, но она рискует предположить, что он быстро уснул. В такси требуется заплатить тридцать долларов, просто чтобы добраться от её квартиры до его пустого тёмного дома. Проклятье. Бал факультета закончился в одиннадцать, а уже полночь, так где он? В ней вспыхивает паника. Что, если он ранен? Что, если он выпил что-нибудь и сел за руль и... нет. “Успокойся”. Такое случается в фильмах, как в “Незабываемом романе”. Блейк в порядке. Если он выпил, то, вероятно, где-нибудь ждёт, пока достаточно протрезвеет, чтобы сесть за руль.

“Его кабинет”, - понимает она. Он даже мог остаться там для того, чтобы закончить бумажную работу и убрать книги. Таким он мог заняться, избегая общения под предлогом какого-нибудь задания по работе. Особенно, если всё шло плохо. Чёрт, теперь она и за это переживает. Её беспокойство натянуто как тетива лука, оттянутая назад и готовая к выстрелу. Если бы только у неё была чёртова цель.

Девушка возвращается в ожидающее такси и закрывает дверь.

— В кампус, пожалуйста.

— Будет сделано.

Счётчик тикает выше, пока они возвращаются обратно по дороге в университет. Она проверит кабинет. Он должен быть там. Потому что если нет, она понятия не имеет, где ещё Блейк может быть, и у неё нет другого плана.

— Есть шанс, что вы ездите за город? — спрашивает она таксиста.

— Конечно. Куда вы собираетесь? — когда девушка говорит ему название своего родного города, он вбивает его в свой GPS. — Это будет поездка по фиксированной ставке. Похоже, вам понадобится 450\$, чтобы туда добраться.

Эрин чуть не стонет. Четыре сотни долларов? На её банковском счету столько есть, но впритык. Она растратит деньги подчистую, и ничего не останется на ремонт машины, когда вернётся.

Когда они подъезжают к кампусу, девушка поспешно расплачивается, нерешительно добавляя чаевые из своей скудной записки. Если в итоге Эрин поедет автобусом, это полностью истощит её денежные запасы, и приедет она только завтра. Такси уезжает, оставляя её в облаке дыма. Теперь ей и не добраться до автобусной станции. У неё заканчиваются варианты.

Здание кажется пустынным, пока она быстро проходит мимо. Лунный свет отскакивает от бледных каменных поверхностей. Ночью она была здесь пару раз для семинаров, но сейчас, после окончания летнего семестра, никто не задерживается. Эрин понятия не имеет, где в кампусе проходил Бал факультета, но это, вероятно, к лучшему. Даже в отчаянии она

понимает, что лучше не заявляться на вечеринку, потенциально обнажая их отношения.

Широкая металлическая дверь, которой она обычно пользовалась, чтобы зайти в это здание, закрыта. Она обходит вокруг и находит открытой боковую дверь. Толкнув её, девушка, моргая, смотрит в темноту. Не требуется много времени, чтобы понять, что в его кабинете тоже темно и пусто. Его там нет. В любом случае, на это была малая надежда.

Чувствуя узел страха за маму, Эрин выходит на улицу и садится на скамейку. В историческом кампусе живописные земли. Великолепные газоны и знаменитые статуи. Она не видит ничего этого. Перед ней расплываются древние дубы и черты архитектуры.

Это её кошмар. Знать, что её мама нуждается в ней, и не в силах до неё добраться. Триста миль — будто на другом континенте. И даже когда она приедет, то не сможет сделать ничего полезного. Она не сможет вылечить мамино сердце. Она не сможет оплатить медицинские счета. Бесполезная.

Беспомощная.

Её внимание ловит трель смеха за углом. Затем отвечает мужской голос. Чёрт, она узнаёт этот голос. Вытирая глаза, девушка садится прямее. Пожалуйста, пусть он пройдёт мимо. Сегодня удача полностью её покинула. Её бывший парень Даг подходит ближе, наполовину таща за собой неуверенно стоящую на ногах девушку. Другие голоса отскакивают от стен дальше, и она знает, что это его друзья. Даг всегда предпочитает ходить с компанией, даже когда он с девушкой... которой однажды была она.

— Эрин? Это ты?

Чёрт. Она пытается сохранить голос ровным.

— Привет. Как дела?

— Дела такие, что я счастлив тебя видеть. Чёрт побери, Эрин Рейдер, — звучит так, будто он искренне счастлив её видеть, и он даже не пьян. Она задаётся вопросом, не назначили ли его водителем. Он поворачивается к девушке, висящей на его руке. — Иди присоединись к остальным. Я догоню через минуту.

Она уходит в направлении других голосов, её каблуки застревают в газоне.

Осознание пронзает дымку беспокойства Эрин.

— Подожди, что ты здесь делаешь? — спрашивает она Дага. — Не говори, что ты вернулся для магистратуры.

Он фыркает.

— Неа. Сегодня день рождения брата одного из моих друзей, так что мы ходим по барам в округе. Я просто присматриваю за тем, чтобы малыши себе не навредили.

Где-то она находит легкомыслие, чтобы подразнить его.

— Ты сопровождающий? Куда катится этот мир?

— Я так и сказал, но, судя по их словам, я потерял хватку. Теперь я ответственный, повзрослевший и скучный.

— Добро пожаловать в клуб, — сухо произносит она.

Парень садится на ту же скамейку, откидываясь на противоположный угол.

— Так ты расскажешь мне, в чём проблема?

— Проблемы нет.

Он одаривает её взглядом с укором.

— Мы встречались полтора года. Что для меня практически пожизненное обязательство. Думаю, я по-прежнему могу определить, когда ты расстроена.

Достаточно странно, она тоже легко может читать его эмоции. Сейчас его волосы

короче, пострижены почти под “ёжика” вместо небрежной причёски, в которую она любила запускать пальцы. Почему-то Даг выглядит выше, хотя кажется невозможным, что он мог вырасти. Его поза расслабленная, но выжидающая. Девушка читает язык его тела, выражение лица, даже при том, что не видела его несколько лет. Хорошая осведомлённость — странная вещь, приглушённая временем, но никогда не исчезающая.

— У моей мамы инфаркт, — признаётся она. — Я пыталась до неё сегодня добраться, но у меня сломалась машина, а потом... — она действительно не хочет вдаваться в подробности о том, что её соседки нет в городе, а тайный бойфренд работает здесь профессором. Эрин качает головой. — Просто ничего не получается. Думаю, мне придётся остаться. Может быть, я смогу найти механика, чтобы утром починить машину.

— Утром в воскресенье? Маловероятно. Позволь мне отвезти тебя обратно.

Она смотрит на него.

— Я имела в виду, что собираюсь обратно домой. Ехать четыре часа.

— Я знаю, что ты имела в виду. Я отвезу тебя туда.

— Я не могу так тебя использовать.

Он отводит взгляд.

— В любом случае, я задолжал тебе эту поездку, даже если в обратном направлении. Я всегда скверно себя чувствовал из-за того, что кинул тебя.

Эрин открывает рот, чтобы переубедить его. “Нет, всё в порядке. Я поняла”. Но это не так. Она не понимает, как могла значить для него так мало из-за того, что сделали или не сделали их родители. Из-за чего-то, не подвластного её контролю.

Вздыхая, она говорит:

— Это было давно.

— Никогда не поздно вернуть долг. Разрешите мне отвезти тебя туда.

Её одолевает искушение. В некотором роде парень задолжал ей это, так что она не просто стесняет незнакомца. И она действительно хочет попасть домой. Её мама уже очнулась? Она боится, или ей больно? Эрин могла только надеяться, что ей обеспечивают экспертный уход в больнице, но что, если маме нужно, чтобы кто-нибудь за неё заступился? Эрин нужно быть там, и у неё нет другого способа добраться. Никто больше её не повезёт. Девушка бросает взгляд на телефон. Блейк по-прежнему не перезвонил.

Он разозлится из-за того, что её отвезёт Даг? Будет подозревать, что она изменяет ему? Нет, она не может в это поверить. Блейк поймёт, когда узнает, что её мама больна, когда услышит, что её машина сломалась. Когда увидит, что пропустил двенадцать её звонков. Он должен понять. Она заставит его понять.

— Ладно, — произносит девушка, смиренно вздыхая. — Я ценю это. И если хочешь, я могу сесть за руль, чтобы ты мог поспать по дороге, — предлагает она, даже зная, что он откажется.

И он отказывается.

— За всё то время, что ты меня знала, я когда-нибудь позволял другому человеку вести мою машину?

Её губ касается неохотная улыбка.

— Уже поздно. Ты, должно быть, устал.

— Никогда не бываю настолько уставшим. Даже для тебя, Эрин.

— Ты всегда любил свою машину, — говорит она с толикой нежности.

— Сейчас ещё больше, — заверяет он. — За эту я заплатил сам.

Дагу требуется почти час, чтобы разогнать своих друзей обратно по их домам и забрать машину с парковки рядом с клубами. Эрин смотрит на свой телефон, надеясь, что Блейк увидит её пропущенные звонки. Она должна была начать переживать ещё и за него, но и доверять, что он в безопасности. Ещё она должна доверять, что он не игнорирует её и не проводит время с Мелиндой. Теперь её не могут беспокоить старые переживания. Встретившись с тем, что подвела свою маму, что может потерять её, у неё не остаётся энергии для необоснованных страхов. Блейк добрый и верный, и она не будет сомневаться в нём. Она просто хотела бы, чтобы он был рядом.

Когда Даг останавливается на обочине свою лощёную новенькую “Ауди”, она в последний раз набирает номер Блейка. На этот раз даже не звучат гудки, перенаправляя её прямо на голосовую почту.

— Это я. Я уезжаю обратно домой, с Дагом. — Эрин не уверена, как описать его, и определённо не хочет говорить: “Это тот парень, который разбил мне сердце, я тебе рассказывала”. — Не переживай. Всё будет в порядке. Увидимся, когда я вернусь.

Пока она садится в низкую машину, Эрин понимает, что убеждает скорее себя, а не его. Всё будет в порядке, с её мамой и с ним. С ней.

— Ты в порядке? — обеспокоенно спрашивает Даг.

Она натягивает улыбку.

— Буду.

— Пятнадцать в углу.

Знакомый стук и эхо его кия говорят ему, что он попал правильно. Оранжевый в полосочку шар опрокидывается за кромку зелёного сукна и падает в лузу.

Его противник — Джордж Эванс, профессор греческой археологии. Эванс качает головой.

— Проклятье. Ты мухлюешь, Моррис?

Блейк фыркает.

— Если бы.

Хотя его игра определённо улучшилась. Первый удар был постыдным. Биток отрикошетил от стола, каким-то образом умудрившись пропустить каждый чёртов шар.

Его глаз остался после взрыва невредимым, но восприятие глубины было задето. Что-то касается того, как вокруг него формировалась, или правильнее не формировалась кожа, делает резкую разницу.

Блейк впервые играет в бильярд после взрыва, впервые находится с людьми в социальной среде. Эти мужчины, в частном порядке, добрее, чем те, кто задавал ему вопросы на вечеринке. Они не комментируют его неумелость и всё равно принимают в игру. Медленно, он учится компенсировать изменение. Даже когда подозревает, что другие устали, он хочет продолжать играть. Продолжать улучшать навыки. Наконец научиться справляться со своими травмами, а не избегать их.

Блейк обходит стол и кивает на боковую лузу, чтобы дать сигнал. Наклоняясь, он выстраивает линию. Это его обычная цель: прямая линия между его кием, битком и блестящей стороной чёрного восьмого шара. Но это неправильно. Если он сделает этот выпад, биток полностью проскользнёт мимо восьмого шара и, вероятно, окажется в угловой лузе, стоя ему игры.

Он наклоняет кий на несколько градусов. Блейк предпочитает сменить свою цель, а не

наклонять голову — это он усвоил. Теперь кажется, будто биток идеально попадёт в восьмой шар, заставляя их обоих двигаться бесполезной аркой по столу. Он оттягивает кий и делает выпад.

Биток касается восьмёрки, меняя его направление достаточно, чтобы направить в центр. Восьмой шар медленно закатывается в боковую лузу и приземляется со стуком о другие шары.

— Хорошая игра, — произносит Эванс, хлопая его по плечу. — Я серьёзно. Можешь в любое время вернуться и надрать мне зад. Только в бильярде. Я в любое время размажу тебя по полу в “Кносс”.

Блейк усмехается.

— Не сомневаюсь.

У них было что-то вроде спора о древней греческой цитадели. Блейк оказался менее информирован, чего его оппонент, и это было чертовски хорошее чувство. Ещё Эванс дал ему несколько рекомендаций, какие почитать журнальные статьи. Было что-то волнующее в разговоре с кем-то другим, эта связь. Энергия в комнате.

Эванс вытирает мел со своих рук.

— На самом деле, я пойду. Не знаю, звонила ли жена, пока мы были здесь, но, думаю, я всё же должен идти домой.

Блейк машет ему рукой на прощание, но остаётся рядом с бильярдным столом, а не присоединяется к другим мужчинам за сигарой. Что-то в словах Эванса не даёт ему покоя. Что, если ему звонила Эрин? Он вытаскивает свой телефон и с облегчением видит экран пустым. Никаких пропущенных звонков.

Затем он замечает, что нет палочек сети. И нет сигнала. “Не знаю, звонила ли жена...” Чёрт. Прежде всего, эти старые здания ужасны для вечеринок, а они находятся в подвале. Судя по всему, здесь что-то вроде старого бомбоубежища.

Блейк игнорирует мужчин в углу и поднимается по лестнице в здание. По-прежнему ничего, но он не прекращает идти. Выходя наружу, мужчина терпеливо ждёт, когда его телефон вернёт сигнал. Будучи глупым аппаратом, телефон продолжает показывать отсутствие сигнала, и будучи глупым устаревшим парнем, Блейк не знает, как сказать ему проверить снова.

Его охватывает внезапное чувство паники. Неразумное. Эрин знает, где он сегодня, и они уже запланировали встретиться завтра. Но он всё равно не может отрицать предупреждающие звоночки в своей голове. Инстинкт всё это время поддерживает его жизнь и относительную безопасность. Даже болезненные шрамы кажутся благословением, когда он думает об альтернативе. Он научился доверять этим проклятым звоночкам.

Он нажимает кнопку, чтобы перезагрузить телефон, но не ждёт его. Блейк шагает напрямик к своей машине. В любом случае, уже поздно, пора уезжать, и он позже извинится перед парнями за то, что так резко ушёл. Ему нужно проверить Эрин, убедиться, что она в порядке. Потому что звоночки говорят ему, что что-то не так.

Блейк уже на полпути к её квартире, когда его телефон решает зажужжать и засигнализировать ему. Его сердце падает в груди. Тринадцать пропущенных звонков. “Не счастливое число”, — бесполезно думает он. Все от Эрин. Что могло случиться? Он скучает по ней. Он подвёл её. В мрачном состоянии Блейк нажимает на кнопку голосовой почты, чтобы выяснить, что именно упустил.

Эрин резко просыпается от какого-то звука. Она поворачивается к своей маме, которая мирно спит, аппараты издают тихие сигналы. Кто-то приглушил свет с тех пор, как она уснула, оставив только мягкую лампу сверху и успокаивающий синий свет от мониторов аппаратов. Сжав обмякшую руку, которую держит, Эрин поворачивается на тихий шаркающий звук.

Медсестра смотрит на неё сочувствующим взглядом.

— Я должна прогнать вас, пока меняются медсёстры. Вы можете вернуться после того, как её посмотрит доктор.

— О. Верно.

Эрин знает, что её пропустили против правил официальных часов посещения. Она так благодарна за уставшие улыбки медсестёр и мягкие слова. Доктор тоже кажется добрым и понимающим. Даже в палате настрой приветствующий: она выглядит как спальня с современным стилем, а не больничная палата, если не считать кровати. По крайней мере, её мама получает отличный медицинский уход. Её бледность Эрин по-прежнему пугает. Глаза её мамы с трепетом открылись на несколько минут посреди ночи.

— Эрин, — пробормотала она. — Ты пришла.

В отчаянии, девушка произнесла крайне необходимые слова любви и извинений, но её мама снова уснула, не сказав больше ни слова.

Эрин встаёт, морщась от приступа боли в спине. Металлические и пластмассовые стулья не самые удобные для сна, но она не собирается жаловаться. Девушка натягивает сонную улыбку, забирая свою сумочку и вещи.

Даг стоит, прислонившись к стене, держа кончиками пальцев пустой стаканчик от кофе. Он выпрямляется, когда она выходит, и потирает глаза.

— Как она?

— Я говорила тебе ехать домой и поспать, — тихо ругается Эрин. — Но с ней, похоже, всё хорошо. Доктор сказал, состояние стабильное. Прямо сейчас она спит только из-за лекарств, но говорят, что всё равно лучше, чтобы она не слишком много двигалась.

На его лице выражение сочувствия.

— Как ты держишься?

— Я в порядке.

Он изучает её взглядом.

— Без обид, но выглядишь ты ужасно.

— И почему же это должно быть обидно? — сухо спрашивает она.

— Прости, — робко отвечает он.

— Всё в порядке. — Эрин потирает своё лицо. Конечно, он всё равно прав. Беспокойство и недостаток сна, вероятно, запечатлели под её глазами тёмные тени. — Но тебе действительно лучше поехать домой. Я здесь справлюсь. И ты не должен меня ждать. В смысле, в городе.

— Тогда, как ты доберёшься обратно? — возражает он.

Девушка отмахивается рукой.

— Теперь, когда у меня есть время, я разберусь. Я не уверена, как долго мне понадобится оставаться здесь, так что тебе нет смысла вертеться рядом. И разве ты не пропустишь работу? Тебе лучше выезжать обратно уже сегодня.

Даг вёл машину по открытым ночным дорогам, остановившись у больницы в половину пятого утра. Она бросает взгляд на часы сейчас, с удивлением видя, что уже восемь.

— Нет, я... — парень делает паузу, необъяснимо потеряв слова. — Я хочу быть здесь. Помочь тебе, если могу. Я не прошу ничего начинать прямо сейчас. Я знаю, не время. Но если когда-нибудь в будущем, ты и я соберёмся...

— Даг, что насчёт той девушки, с которой ты был?

— Она прост друг, — отмахивается он. Когда Эрин приподнимает бровь, он исправляется: — С преимуществами.

Она качает головой. Даг никогда не изменится... не то чтобы она ждала этого. Девушка сомневалась, что они провстречались бы долгий срок, даже если бы не ужасная ситуация с её мамой и его родителями.

Кажется, он следует за её потоком мыслей.

— Мне жаль насчёт того, что случилось, когда ты пришла. Я понятия не имел, что это произойдёт. А затем, когда произошло, я запаниковал.

Она останавливает его, коснувшись рукой его локтя.

— Я понимаю. Я и сама запаниковала. Это была плохая ситуация.

Его ноздри слегка раздуваются. Он отводит взгляд.

— Я знаю, твоя мама ничего не воровала, — напряжённо произносит он.

Это самое большое признание, которое девушка получит, и больше, чем она заслуживает, на самом деле. Это не их борьба, а их родителей. Может быть, они могут бороться с этим. “Бороться с прецедентом”, - иронично думает она. Только они больше не вместе. Никогда не будут снова. То, что у неё с Блейком, намного глубже, чем что-либо, что она испытывала раньше. Эрин хочет, чтобы Даг тоже нашёл такое с кем-нибудь. Ни один из них не заслуживал засиживаться ради друг друга.

— Прости, — произносит она.

Выражение его лица выражает серьёзность.

— Ты не обязана решать сейчас. Я просто хотел сказать тебе...

Что бы он ни хотел сказать прерывается резким звуком шагов и властным мужским голосом. Эрин поднимает взгляд на стойку медсестры и, как во сне, там стоит Блейк. Он быстро разговаривает с дежурной медсестрой, которая указывает в сторону Эрин. Блейк поворачивается, его взгляд ярко горит беспокойством, любовью и чем-то ещё. Чем-то таким, что заставляет её сердце пропустить удар.

— Блейк, — шепчет она.

Расстояние между ними сокращается. Его взгляд не отрывается от её глаз.

— Ох, — произносит рядом с ней Даг, — вижу, моё присутствие здесь сделали лишним.

Только тогда она понимает, что её ладонь по-прежнему лежит на его руке, и выглядит так, будто они сидят близко друг к другу. Как может казаться, будто она приняла помощь от Дага. На одно мрачное мгновение её охватывает паника.

Пока Блейк не подходит и не приветствует Дага кратким кивком признательности. Эрин падает в руки Блейка, даже не понимая, как это произошло. В одно мгновение она сидит на стуле с твёрдой спинкой, а в друге уже заключена в тёплые, крепкие объятия, и это именно то, в чём она отчаянно нуждалась прошлой ночью. Практически так же, даже больше, чем в поездке до её родного города. Она нуждалась в его силе, в его поддержке.

— Она в порядке? — спрашивает Блейк, уткнувшись в её волосы.

— Да, я... нет, но...

А затем вся видимость самообладания рассыпается под натиском его доброты. На её глазах появляются слёзы, большие и горячие. Они увлажняют щёки и его рубашку. Её дыхание не может найти ритм, подпрыгивая и замирая в неустойчивом беспорядке. Звуки, которые девушка издаёт, пугают даже её саму: она давится, задыхается, рыдает, становясь от этого беспомощной.

Беспомощной, какой никогда не хотела быть. Какая есть. Какой не является, когда он рядом, потому что его широкие объятия оберегают её. Блейк уравнивает её.

Её поставила в тупик не столько четырёхчасовая поездка, сколько осознание, что её мама больна, а она ничего не может сделать, чтобы это исправить. Это не изменилось, когда она приехала в больницу, и не изменилось сейчас, когда Блейк здесь. Но он делает её беспомощность более выносимой.

Её жизнь наполнена возможностью, радостью. Её учёбой, а вскоре работой. Её любовью к Блейку. Её малочисленными, но близкими друзьями. Но даже в самой счастливой песне есть низкая нота. И в глубоком, урчащем беспокойстве она крепко держится за него, находя в его руках убежище и временную тишину.

Эрин не уверена, что именно её мама захочет поесть, так что Блейк хватается за пять разных вариантов, а также полные наборы еды для себя и Эрин. Всё это опасно балансирует на двухфутовом (прим. пер.: 60 см) подносе кафетерия. Он стоит в очереди за грузной женщиной с короткими седыми волосами. Когда человек впереди заканчивает расплачиваться, они оба продвигаются вперёд. Седовласая женщина ставит свою миску с салатом рядом с пластиковым контейнером с пудингом и бутылкой воды. Она копается в своём кошельке с монетками, пока молодая, скучающая дама за кассой пробивает итоговую сумму, составляющую чуть больше восьми баксов.

Женщина продолжает копаться.

— Я забыла... ох, что-то в моём салате. Мне просто нужно...

Будто понимая, что её оправдания пролетают мимо ушей, женщина быстро собирает еду обратно в руки и отходит от кассы. Кассир с ожиданием смотрит на него. Без слов, Блейк проскальзывает вперёд и начинает выкладывать свои товары, чтобы девушка их пробила, но следит взглядом за седовласой женщиной. Она возвращается к салат-бару и добавляет ложку ветчины, будто её словят на лжи. Даме за кассой и ему очевидно, что у женщины нет достаточного количества денег. Она исподтишка возвращает бутылку воды и пудинг на свои места, прежде чем вернуться в конец очереди.

Блейк наклоняется вперёд и говорит с кассиром низким тоном.

— Я бы хотел оставить деньги за счёт человека, который стоит за мной.

Глаза молодой женщины освещает понимание.

— Это я могу сделать.

— И если бы вы могли... — он строит гримасу, пытаясь придумать способ, чтобы это было меньше похоже на благотворительность. Ему плевать, он хотел бы оставить больше, но подозревает, что седовласая женщина будет против. — Если бы вы могли сказать, что это цепочка, люди делают это всё утро, один за другим.

Уголок её губ приподнимается.

— Это мило.

Он качает головой, но не отвечает. Это не мило и не особенно — отдавать то, чего у него навалом. Это трастовый фонд. Даже то малое, что он заработал как солдат и за краткое

пребывание на должности временного профессора, построено на богатом воспитании и отсутствии студенческого долга. Блейк понимает свои привилегии, и хотя наслаждается более изысканными вещами в жизни — такими как бренди и игра в бильярд, например — не стал бы выставлять это на посмешище.

Собрав пакеты и напитки в руки, он проходит мимо магазина подарков. Шарик. Чёрт побери. Или, как минимум, цветы. Он всегда забывает. Он не хорош в больничной ерунде. На его теле выступил холодный пот, когда он приехал на парковку, и его горло сжали тиски, когда мужчина зашёл внутрь. Но всё равно его шаги даже не замедлились. Он знал, что Эрин внутри. Блейк прошёл бы через коридоры ада ради неё и думал, что больница для этого сойдёт. Сжав зубы, он заходит в лифт и поднимается на седьмой этаж.

Было облегчением ненадолго уйти. Он отвёз Эрин в квартиру её матери, чтобы она могла принять душ и взять несколько предметов первой необходимости. Квартира маленькая, скромная. В комнате Эрин по-прежнему куча розовых вещей, напоминающих счастье и надежду девочки-подростка. Больше всего его поразила кухня. Его собственная кухня нелепо большая, с островком и винным холодильником. Эта же кухня едва вмещает два человека, стоящих бок о бок. Маленькая клинообразная столешница завалена почтой, ключами и ручками. Микроволновки нет. Будь то дорогой дом его семьи или холостяцкие жилища его армейских приятелей, там всегда была микроволновка. Здесь же просто не хватало места. Никаких ужинов с просмотром телевизора. Он представлял, как подростком Эрин готовит на плите что-то маленькое и недостаточное — суп или макароны. Не плохая жизнь, но это действует на него как брызги холодной воды в лицо.

В коридоре потолок увешан чем-то неизвестным, пожелтевшим и почерневшим. Унитаз в ванной наклонён под углом. Вся квартира разваливается в руины, но его мысли продолжают возвращаться к той кухне. В старой магнитной рамке — фотография маленькой Эрин с огромной улыбкой и без передних зубов. Он представлял её гордость за свой дом, за свою маму. Он представлял, как кто-то высмеивает её, находя эту слабость и используя для того, чтобы повернуть нож.

Теперь он лучше понимает, почему Эрин сомневалась в них как в паре, почему сомневалась в нём и в себе. “Она может осудить тебя”, - сказала девушка о своей маме, но на самом деле имела в виду то, что сама осуждала его. Иронично, но его худший страх, его лицо для неё ничто. Даже не препятствие. Она переживала из-за своего статуса, из-за денег, а ему плевать. Он лучше отдал бы свои деньги, отдал бы их ей, чем позволил этому встать между ними. Препятствия, удерживающие её от него, теперь разрушались, ускользая под собственным весом, и уже разрушились.

После того, как ей выдался шанс принять душ и переодеться, они вернулись в больницу, где Эрин поспешила наверх, а он вниз, чтобы захватить ланч. Его шаги замедляются, когда он подходит к палате. “Нервничаешь из-за чего-то?” — насмехается он над собой. Кажется, не важно, насколько он взрослый, знакомство с родителями всегда будет неуверенным. И, он должен признать, это едва ли идеальные обстоятельства.

Кратко постучав в дверь, мужчина заходит внутрь. Мама Эрин, София, борется со своей подушкой, сидя на больничной кровати. Эрин нигде не видно. После мгновения замешательства он ставит еду и подходит помочь ей. Издав тихий успокаивающий звук, он поправляет подушку под ней и помогает женщине откинуться назад. Она успокаивается под его лёгким прикосновением, и он быстро отстраняется. Не достаточно быстро.

— Я тебя помню, — говорит София, не открывая глаз. Её волосы темнее, чем у Эрин.

лицо более обветренное, но он видит сходство в форме её носа и губ.

— Мы виделись раньше. Я Блейк.

Сегодня утром Эрин настояла на том, чтобы представить его, но её мама была слишком сонной, чтобы что-то понять.

— Ты её парень. Тот, о котором она мне не рассказывала. Почему она не рассказывала?

Ох, у него есть множество догадок, ни одну из которых он не выскажет вслух.

— Мы не так уж долго встречаемся.

— Достаточно долго. Я видела, как ты смотрел на неё. Ты любишь её.

— Да, мадам.

— Не называй меня “мадам”. Ты слишком взрослый для этого, а я не достаточно старая.

Он позволяет себе слегка улыбнуться.

— Извините.

Женщина приоткрывает один глаз, чтобы посмотреть на него.

— Что с тобой такое, что ты так плох? И не говори мне о своих шрамах. Я бы даже не узнала, если бы она не упомянула о тебе по телефону.

Блейк прочищает горло.

— Думаю, она переживала, что у вас будут проблемы с моим финансовым состоянием.

— Ты безработный?

Технически, был. Больше нет. Ни одно из этого не проблема.

— Моя семья богата.

Тишина. Затем:

— Понятно.

— Это ведь не будет проблемой?

— Надеюсь, ты не думаешь, что будешь разбрасываться кругом деньгами и получать то, что хочешь.

Единственно, чего он хочет, у него уже есть в виде её дочери. Двадцать баксов в очереди в кафетерии считаются разбрасыванием?

— Нет.

Он прикусывает язык, чтобы не сказать “мадам”. Это не подходит её возрасту, просто знак уважения, которому натренировали его в армии.

— Или требовать что-то от Эрин...

— Конечно, нет, — ровно вклинивается он.

— Что же.

— Что же, — повторяет он, — я уверял её, что смогу завоевать вас своим шармом. Но так как у меня нет шарма, вместо этого нам придётся прийти к пониманию.

София делает паузу.

— Ты мне угрожаешь?

— Я никогда бы себе этого не позволил.

По крайней мере, частично, потому что ему нечем её запугивать. На самом деле, он хочет с ней поладить, он надеется на это. Но он не собирается позволять кому-то встать между ним и Эрин, даже женщине, которая её воспитала.

Выражение её лица слегка разозлённое. И весёлое. Он видел такую же улыбку у Эрин, и это значит, что он сорвался с крючка. Конечно, это ничего не доказывает. Эрин он нравится гораздо больше, чем этой женщине.

Ей удаётся выглядеть устрашающе со своего лежачего положения.

— Меня не касается, что на твоём банковском счету, но если ты причинишь ей боль, я тебя найду.

Блейк позволяет угрозе повиснуть в воздухе. София низенькая и худощавая. При недостатке в финансовом и социальном плане. Она ничего не сможет ему сделать, и они оба знают это, но напряжение и беспокойство в её глазах сжимают его сердце в кулаке. Он понимает, как сильно она заботится о своей дочери. Он ценит то, что она воспитала её сильной, умной и уверенно. Теперь это его работа. Его ответственность, его привилегия.

— Да, мадам, — произносит он, потому что она отдала ему приказ, и он клянётся ему следовать. Он в любом случае сделал бы это. Для него нет ничего важнее, чем безопасность и счастье Эрин. Но если от этого ей станет легче, он позволит своей решимости отразиться в его глазах. Женщина изучает его взглядом: его прямой взгляд, изуродованная кожа. Она не морщится, но он уже знает, что Эрин унаследовала это от неё.

— У тебя всё получится, — наконец произносит она.

Ну, по крайней мере, с этой частью разобрались.

Теперь им нужно убедиться, чтобы её выписали, и она была здорова. Ещё ему нужно поговорить с Эрин, каким-то образом извиниться перед ней за то, что его не было рядом, когда она в нём нуждалась. И дважды проверить, что она знает, что он не изменял ей в это время. По сути, у него впереди весь день.

Повернувшись к полиэтиленовым мешкам, он начинает вытаскивать варианты обеда.

— У нас есть желе. Йогурт с начинкой из мюслей. Пудинг из тапиоки.

София смотрит на него, не впечатлённая. Без слов, он находит контейнер со своим собственным чизбургером и открывает его.

Она принимает его с облегчённым вздохом.

— В конце концов, может, мы с тобой и поладим.

Окружная больница — старое здание, которое, если Эрин будет честна, лучше приспособить под тюрьму, чем под больницу. Оно прямоугольной формы, испещрённое внутри бетонными прямоугольными коридорами. Она стоит в удалённом кольце, где через тонкие решетчатые окна на серые резиновые полы проникает дневной свет.

— Мисс Рейдер.

Седовласый доктор Паркинс, с извечной доской-планшетом и доброй улыбкой. Недостающее зданию очарование люди компенсировали своей чуткой заботой о её матери.

— Всё в порядке?

— Да, определённо. Я просто заходил проверить вашу маму. Её состояние улучшается, и мы движемся прямиком к стадии выздоровления.

Её охватывает облегчение. Во время ланча её мама, казалось, была в хорошей форме, даже поддерживала лёгкий разговор с Блейком, но Эрин рада услышать этому подтверждение.

— Это замечательно. Когда она может ехать домой?

— Её можно выписать хоть завтра, но ей понадобится высокий уровень поддержки. Ей не следует вставать и ходить ещё неделю или две.

— Я понимаю, — обещает она. — Я останусь с ней.

После ещё нескольких наставлений доктор начинает уходить.

— Эм, доктор? — Эрин чувствует себя странно, спрашивая его об этом, но она прошла два полных круга по больнице и не нашла то, что ей нужно. — Можете подсказать мне, где

располагаются уборные?

Он по-доброму улыбается.

— Они на другой стороне, рядом с лифтами. Но есть одна поменьше, вниз по этому коридору, третья дверь справа.

Девушка проходит вниз по маленькому ответвлению коридора и выходит к большому, широкому окну без решёток. За ним открывается вид на город, во всей его красе — или в отсутствии таковой. Она узнаёт множество старых зданий в центре и даже стадион своей старшей школы, который больше и выше школьных зданий. По большей части плоская линия горизонта наполняет её ностальгией о более простом времени и о более маленьком мире. Теперь она видела, что лежит за этим, она знает, что никогда не переедет обратно в этот город. И всё же, Эрин испытывает благодарность за, по большей части, счастливое детство, которое этот город ей дал.

У стены стоит несколько стульев, и в отличие от стульев в зоне ожидания, эти — пустые. Она проходит подсобный чулан, заполненный белыми простынями и чем-то похожим на больничные халаты, прежде чем находит уборную.

На выходе девушка моет руки и изучает себя в маленьком зеркале. Никаких сюрпризов: она выглядит истощённой. Эрин чувствует себя истощённой, но и довольной. Её мама чувствует себя хорошо, хоть впереди наблюдение за её выздоровлением. Блейк с ней, хоть им ещё и нужно поговорить наедине. Всё не идеально. Даже лучше, всё по-настоящему.

Выйдя в коридор, она чуть не отводит взгляд, когда замечает, что здесь кто-то ещё. Затем останавливается.

— Блейк?

Он оборачивается на звук её голоса.

— Что ты здесь делаешь?

Он смотрел в большое окно, его тело отражало напряжение, пока мужчина прислонился к стеклу, будто мог вырваться на свободу. Его глаза затуманены чем-то мрачным и неустойчивым.

Эрин неопределённо машет рукой.

— Уборная. Ты в порядке?

— Конечно.

Но это не так. Она делает шаг вперёд.

— Знаешь, насчёт Дага. Ничего не было.

Он поворачивается, чтобы посмотреть на неё.

— Я знаю. Прости, что меня не было рядом. Я знаю, что должен искупить свою вину перед тобой.

— Нет. Всё не так. Я просто не хотела, чтобы ты сомневался во мне...

Как однажды она сомневалась в нём.

На его губах появляется кривая улыбка.

— Я играл в бильярд, если тебе было интересно.

— Мне было интересно... но я бы ни в чём тебя не обвинила. Я доверяю тебе.

Это звучит так просто, но она чувствует, как её уверенность отзывается внутри. Он бы не изменил ей. Блейк бы не поступил так с ней, даже не поступил бы так с собой. Измена, в конце концов, была бы ниже его.

— Хочешь пойти обратно в зал ожидания? — произносит она, протягивая к нему руку.

— Ты иди. Я подойду через минуту.

— Ладно, — говорит девушка, но не двигается. Не может сдвинуться. Она помнит, как наблюдала за тем, как он смотрит в окно, как хорошо чувствовался в воздухе вокруг него его внутренний беспорядок. Только это хуже. Более остро.

Она хмурится.

— Ты устал. Прости. Я была невнимательна. Тебе следует вернуться в дом.

Блейк качает головой.

— Нет, я в порядке. Я хочу быть здесь с тобой.

Хоть он, должно быть, устал, она сомневается, что настоящая проблема в этом. Эрин подходит ближе, замечая лёгкий блеск пота на его лбу. Щетина на его челюсти попросту делает его ещё привлекательнее, но синяки под глазами придают смутно измученный вид.

— Что такое? — шепчет она.

Он отмахивается.

— Ничего. Просто... больницы. Они так на меня влияют. Всё пройдет через минуту.

Её сердце останавливается. Должно быть, у него ужасные воспоминания о больницах. Однажды, очень коротко, он объяснял, через какое лечение прошёл после взрыва. Пересадка кожи и восстановление хирургическим путём. Недели во вражеской камере пыток, а затем месяцы под скальпелем доктора. Боже.

— Мне так жаль. Я не думала.

Он жёстко её прерывает.

— Это не важно. Прости, что ты вообще меня таким увидела. Вот почему я сюда вышел. Всё пройдет.

— Ты не должен проходить через это в одиночку, — мягко произносит девушка. Она не может забрать его неусыпные кошмары, но может держать его за руку.

Отвернувшись, он бормочет:

— Просто иди.

— Я не могу.

Взяв его за руку, она ведёт его в маленький бельевой чулан и закрывает дверь.

— Мы не должны здесь быть, — говорит Блейк, прислоняясь к стене. Очевидно, он держался ради неё и ради всех, кто наблюдал. Даже она чувствует облегчение, видя его расслабленным, так что может только представить его дискомфорт. Расслабить его, даже на мгновение, стоит риска обнаружения.

Он смотрит на неё сквозь приоткрытые веки.

— Что теперь?

Вызов в его голосе заставляет её приподнять подбородок. Блейк хочет оттолкнуть её, она может это сказать, но он не станет этого делать. Он способен бросить её не больше, чем она его. Эрин касается его губ своими, наслаждаясь тем, как он выдыхает накопившийся воздух. Она прокладывает дорожку из лёгких поцелуев от одного уголка его губ до второго, прежде чем он зажимает зубами её нижнюю губу. Мужчина тянет Эрин на себя, сбивая равновесие. Она падает на него, но он готов и ловит её. Блейк скользит языком в её рот и перехватывает поцелуй, углубляя его, пробуждая её с дремлющим возбуждением.

Твёрдость, прижимающаяся к её животу, напоминает ей, что прошли недели с тех пор, как они занимались любовью. Занялись бы сегодня, если бы всего этого не произошло. Без сомнений, они оказались бы в его спальне, бездельничая в его кровати, голодая, но без желания спуститься вниз за едой.

Эрин кладёт руку на выпуклость его джинс, потирая её. Он шумно втягивает воздух.

— Что ты делаешь?

Она улыбается ему в губы.

— Выполняю обещание.

Длинными лёгкими поглаживаниями ее рука двигается по ткани. Лёгкий жар возбуждения поднимается по его шее. Между временем, которое они пробыли порознь, и его эмоциональным потрясением пару минут назад, он уже на грани, издавая тихие стоны с каждым движением её ладони. Эрин нежно сжимает руку, наслаждаясь тем, как его взгляд от измученного приобретает совершенно другой вид страдания.

Её ладонь ускоряется, пока он не начинает задыхаться, уткнувшись ей в ключицу, его бёдра мягко толкаются в руку девушки.

— Эрин, детка. Ты должна прекратить.

— Я знаю. Ты прав.

Она падает на колени и расстёгивает его джинсы. Показывается его тяжёлый член, головка которого уже блестит.

— Пожалуйста.

— Я знаю, — шёпотом повторяет она. Эрин берёт его в рот, всасывая выступившую сперму и слизывая её. Она останавливается, обхватив ртом головку, в то время как её ладонь гладит бархатный, но железный на ощупь член. Его неуверенные стоны доносятся до её ушей, говоря ей, как сильно и быстро ему это нужно. Очень сильно и быстро.

Осторожно, девушка всасывает его глубже, пока упругая головка не касается нежной кожи её горла. Она выпускает его, а затем берёт внутрь снова — дальше вглубь, пока головка не проталкивается сквозь круг мышц. Его бёдра внезапно дёргаются вперёд, и она слегка давится. Прежде чем он успевает отстраниться или передумать, Эрин начинает двигаться в быстром темпе, но ей не о чем переживать. Он крепко сжимает пальцы в её волосах, прося большего, нуждаясь в этом.

Его другая рука крепко сжата, так, что белеют костяшки. Она тянется к нему. Как только их пальцы соприкасаются, он раскрывает кулак и берёт её за руку. Их пальцы переплетаются, хватаются друг за друга, соединяются в более интимном плане, чем её рот на его члене.

— Эрин.

Это единственное предупреждение, которое ему удаётся произнести, прежде чем он выстреливает тёплой соленоватой жидкостью в её ожидающий рот. Она сглатывает обильное количество спермы, больше, чем обычно. Вздвогнув, он испускает одну последнюю струю на её язык, прежде чем вздохнуть, прислонившись к стене. С любовью девушка слизывает все следы его спермы с члена, прежде чем поправить его одежду.

Веки Эрин тяжело опускаются, её складочки пульсируют, желая внимания, но она не станет ни о чём просить, не будет ожидать этого. Это был подарок.

Она никогда не поймёт, как некоторые люди могут говорить “просто секс”, будто это ничего не значит — секс значит всё. Он значит доверие и уважение. Здесь, сейчас, он значит любовь. Пожалуй, этого слишком много, переизбыток эмоций, и ей приходится отвернуть лицо, просто чтобы справиться с этим.

Блейк поворачивает её подбородок к себе.

— Я ведь не причинил тебе боль?

Она категорично качает головой.

На мгновение он замирает. Эрин чувствует, как его взгляд изучает её, но не может

ничего сказать. В конце концов, он выпрямляется и поворачивает её спиной к стене, всё ещё тёплой от его спины. Без слов, он расстёгивает её джинсы и стягивает их вниз.

— Блейк, — возражает она. — Мы не можем.

Он саркастично приподнимает бровь, но не отвечает. Конечно, они только что сделали обратное. Её протесты кажутся глупыми в этом контексте, но она делает это из комфорта, ради него и ради себя. И, кроме того, логически ему намного легче справиться проделать это, чем ей. Но он разобрался с этим. Его ладонь проскальзывает под эластичную резинку её трусиков и вниз, к влажным складочкам. Девушка ахает от контакта и хватает его за запястье.

Его другая рука приподнимает край её майки и стягивает вниз чашечку лифчика. Её груди обдаёт прохладный воздух, делая твёрдыми соски. Мгновение он просто смотрит на неё.

— Великолепна, — бормочет он, и она чувствует себя великолепно. Это больше, чем слово. Это в выражении его лица и его руках. Она чувствует себя обожаемой. Желанной.

Он всасывает её сосок в рот, терзая её тугую плоть языком, пока она не начинает чувствовать, как из неё вытекает скользкая влага там, где играют его пальцы. Он дразнит её другую грудь, пока его пальцы находят быстрый и безумный ритм. Её рот раскрывается, выпуская резкий вскрик.

— Шшш.

Блейк накрывает ладонью её рот, заглушая беспомощные звуки, пока доводит её выше и сильнее.

Её губы переключаются на его ладонь в отчаянной просьбе освобождения. Оно ускользает от неё, пока она рыдает в его губы. Краем глаза девушка видит, как двигаются её груди, пока дёргаются бедра. Они привлекают его, его взгляд, его рот. Он не может перестать прикасаться к ней и лизать её. Она не может перестать двигаться в мучительном удовольствии. Они заперты в тени возбуждения и агонии: одно перетекает в другое и снова обратно.

Наконец Блейк отрывается от её груди. Прижимается губами к её уху, бормоча слова секса и тоски. “Ты такая красивая. Такая сексуальная. Такая влажная под моей рукой. Я чувствую, какая ты там горячая, какая узкая, ты чувствуешь? Ты хочешь, чтобы это мой член был внутри тебя, заполнял тебя? Я хочу”.

Её крики становятся громче, и его рука сжимается крепче. Слезы необходимости соскальзывают из уголков её глаз, пока он не находит слова, чтобы довести её до пика. “Эта сладкая киска, прелестная киска. Она моя. Она и вся ты. Ты ведь это знаешь, верно? Теперь кончи для меня. Позволь мне почувствовать, как эта маленькая горячая киска кончает на меня”. И она кончает, её мышцы крепко сжимаются, пока Эрин охватывает взрыв оргазма, оставляя её бездыханной и выжатой.

Пока она медленно возвращается на землю, он прижимает к её губам лёгкие поцелуи, отражая спокойствие, которое она подарила ему. Короткими поглаживаниями он успокаивает дрожащие, трепещущие мышцы её влагалища.

— Вот так, — бормочет он. — Ты в порядке. Я держу тебя.

Она поражается тому, как он переломил ситуацию. Как быстро превратил свои собственные награды в её. Девушка хотела принести ему спокойствие, но его счастье слишком связывается с её собственным, как наглухо переплетённые нитки, которые она никогда не хочет распутывать.

Отстраняясь от неё, Блейк слизывает её соки со своих пальцев. Она наблюдает в безнадежном восхищении. Наклонив голову девушки назад, он целует её глубоким поцелуем, проталкивая к её языку её собственный мускусный вкус и, она знает, пробуя соль своего собственного оргазма.

Глава 7

Блейк оплачивает и выносит два пакета полезной для сердца еды из продуктового магазина. Маленькое осложнение задержало Софию Рейдер в больнице ещё на два дня больше, чем предсказывал доктор. Эрин отказывалась уходить, кроме как принять быстрый душ, тем самым доводя себя до истощения несколькими часами сна, который ловила в зале ожидания, но никакое количество уговоров не убеждало её на обратное.

Он чувствует облегчение от того, что они обе в доме Софии, спят. Эрин дала ему список мяса с низким уровнем холестерина и цельных зёрен, чтобы заменить дешёвые упаковки макарон и супы с высоким содержанием натрия, которые сейчас переполняют кухню. С маленьким количеством денег и ещё меньшим временем на готовку, у мамы Эрин полный погреб излишне солёной еды. Теперь это должно измениться и изменится, особенно когда Эрин здесь, чтобы готовить следующие несколько недель. Дальше они ещё не загадывали.

Планировала ли она когда-нибудь навсегда вернуться домой? Если так, не удивительно, что девушка была неуверенна, когда он попросил её переехать к нему.

Блейк тихо проходит через задние двери, используя ключ, который одолжила ему Эрин. Наверху по-прежнему тихо, так что он собирается убрать продукты. Несмотря на время ужина, он подозревает, что обе женщины проспят всю ночь, что, вероятно, больше пойдёт им на пользу, чем кусок еды. Он сам вымотан и залпом выпивает стакан яблочного сока, прежде чем подняться по лестнице.

Мужчина делает пит-стоп на горячий душ в ванной в коридоре, прежде чем найти комнату Эрин. Они действительно не обсуждали, позволено ли ему спать с ней, так что он предпочёл предположить, что может на это пойти. Эрин раскинулась на кровати, обнажённая. Практически обнажённая. Под краем одеяла он видит бежевый цвет её трусиков. Её джинсы и майка лежат в куче рядом с кроватью. Его грудь набухает нежностью.

Раздевшись до его боксеров, он забирается за неё. Волосы девушки разбросаны по подушке, отражают тусклый свет, будто спокойное озеро в полночь. Её ровное дыхание слишком тихое, чтобы слышать, и всё же душой он чувствует каждый тихий выдох. Бледные ресницы трепещут на её щеках, пока ей что-то снится. Она, во всех смыслах, олицетворение умиротворения.

Когда Блейк впервые её встретил, он был уверен, что никогда не заслужит удовлетворения. Он был слишком сломан, слишком безобразен, слишком напуган тем, что с ним сделали, и что он сделал в ответ. За день до того, как их спасли, Джо полностью перестал реагировать на внешние раздражители. Блейк держал ладонь на запястье Джо, чувствуя слабый пульс и ожидая, когда они оба умрут.

Когда показалась команда “морских котиков”, завязался беспредел. Здравомыслящий человек лежал бы смиренно, пока бы они не нейтрализовали угрозу. Но Блейк был не в себе от горя и боли. Он ухватился за пистолет и застрелил так много захватчиков, сколько смог найти, пока американские солдаты мягко, но уверенно не обезоружили его.

Как он мог вернуться после этого? Не мог. И не планировал, но чёртовы доктора были

настойчивы. Они усиленно работали со своими хирургическими отбивателями мяса, пока его тело снова не начало функционировать, но потребовалось появление Эрин, чтобы возродить его сердце. Она сделала больше, чем это, Эрин стала его сердцем. Куда бы они ни шла, что бы ни чувствовала. Это прекрасно и мучительно.

Нежное основание её шеи выглядывает из-под распущенных волос. Линия её спины изогнута, пока тело скручено во сне. Внизу спины образовались тени, там, где одеяло складками собралось на коже. Его пальцы дёргаются, чтобы коснуться мягких мышц и нежных линий, но он не хочет будить её.

Она всё равно шевелится, двигаясь беспокойно. Её лицо поворачивается к нему, глаза по-прежнему закрыты. Он старается успокоить её, пока она полностью не проснулась.

— Я здесь. Просто спи.

Пока её тело переворачивается, мягкие груди прижимаются к его груди и вызывают у него низкий стон. Его тело отвечает, член твердеет, сердце стучит сильнее. Он чувствует тот же плотский позыв заклеить, отметить, удовлетворить её. Но над этим звучит новая мелодия, та, которую он узнаёт из древности — желание заботиться о ней. Лелеять её, телом и душой. Это тайное желание, которым прониклись его действия в продуктовом магазине — накормить её. А теперь он игнорирует требования своего тела, чтобы позволить ей поспать. Маленькие жесты ради чувств, которые невероятно и бесконечно глубоки.

Девушку закидывает на него ногу. Её голень касается его эрекции, и она замирает, проснувшись достаточно, чтобы понять его состояние.

— Не бери в голову, — бормочет он. — Мы не будем ничем заниматься. Просто отдыхай.

Но она не делает этого. Сонными движениями Эрин шарит под одеялом, пока не хватается своей маленькой ладошкой за его член. Блейк издаёт хриплый звук, всё его тело замирает. Её глаза остаются закрытыми, пока её нежные, неуклюжие ласки сводят его с ума. Мужчина даже не уверен, что она полностью проснулась, даже когда она снимает под одеялом свои трусики. Он в двух секундах от того, чтобы оттолкнуть её, когда она ложится на него и располагает свой центр над ним. У него пересыхает во рту, пока он смотрит на то, как её груди медленно раскачиваются от движений. Её тёмно-коричневые соски торчат от возбуждения или от холода.

— Эрин? Ты уверена?

Она издаёт приглушённый и невнятный звук, но это говорит ему то, что ему нужно знать. “Шшш, — говорит этот звук. — Я знаю, что делаю. Позволь мне взять то, что мне нужно”. Он никогда не находил и не найдёт сил отказать ей. Его руки падают по бокам, дрожа от попытки не держаться за неё, не прикасаться к ней, не заставлять её двигаться.

Крошечными движениями девушка скользит на него. Её жар кажется электрическим, посылая толчки удовольствия через его яйца вверх по его спине. Он сжимает зубы и решает не кончать. Она истощена, вымотана эмоционально и физически. Ей нужно спокойствие, не грубый и жадных трах, которого требует его тело.

Её веки слегка трепещут, ресницы касаются покрасневших щёк. Эрин накрывает его своим телом, прижимаясь грудью к его груди. Тогда он позволяет своим рукам держать её, гладить её бока неровными, успокаивающими жестами, хотя он уже спокоен, и это запоздалая ласка. Она раскачивает бёдрами, устанавливая сонный ритм, который приближает его к оргазму за три резких толчка. По его спине бежит жар. Необходимость кончить будто уколами отдаётся по всей его коже, но нет, он не станет. Нет, пока она

нуждается в нём.

Эрин утыкается носом ему под подбородок, прижимаясь лицом к его шее. Несмотря на стремительный поток ощущений в члене, он чувствует её дыхание на своей коже. Блейк приподнимает свои бёдра к девушке, встречая её с каждым движением. Он лучше всех знал о пробирающем до костей облегчении, которое сопровождает сексуальное освобождение. Он даст ей это, даже если его это убьёт. “Используй меня, — думает он. — Возьми меня. Трахни меня”.

Он заставляет себя молчать, и она ведёт себя тихо, сосредоточившись. Единственный звук — соединяющейся кожи, пока её щель всасывает его внутрь, а внутренние мышцы бёдер охватывают его бёдра. Блейк не может сконцентрироваться, не может больше думать, когда его окружает напряжение влагалища, когда его накрывает её лёгкий вес. Он теряется в дымке, в тумане чистого блаженства.

Мужчина чувствует, как её оргазм сжимает его член. Её бёдра замедляются и останавливаются, вздрагивая с последним, затяжным толчком. Он не получил быстрого трения, которое ему нужно для того, чтобы кончить, так что член остаётся внутри неё твёрдым и пульсирующим. Девушка перестаёт двигаться и довольно вздыхает ему в шею. Он понимает, что она снова задремала. Когда он по-прежнему сильно возбуждён.

Напряжённый и утопающий, он по-прежнему чувствует вокруг своего члена её бархатистые стенки. Только мысль о ней заставляет его член напрячься. Но Эрин всё ещё полностью над ним, её дыхание ровное и медленное. Он осторожно передвигает её достаточно, чтобы достать свой член из её скользкого жара, морщась от ощущения прохладного одеяла, которое кажется наждачной бумагой на его чувствительной плоти.

Но он не может оттолкнуть девушку с себя, даже если это значит, что спать ей будет более удобно. Блейк сглатывает, сдерживая своё желания, и ему это не удаётся. Это будет долгая ночь, но даже если бы и мог, он бы ничего не изменил.

Эрин просыпается и долго лениво тянется, слыша звон сковородок и тарелок на кухне. Смятые простыни обвиваются вокруг её лодыжек, оставляя на кровати рядом с ней пустое пространство. Что значит, что Блейк на кухне с её мамой. Её сотрясает тревога. О чём им говорить? Они поладят? Её переживания быстро рассеиваются. Блейк самый знающий и харизматичный мужчина, которого она когда-либо встречала. Девушка подозревает, что он своим шармом может выманить из гнезда птицу, если захочет, или, в этом случае, очаровать настороженную, покровительствующую маму, чтобы получить её благословение.

Надев джинсы и футболку, она добирается до кухни, где Блейк стоит у плиты, а её мама болтает с заговорчищеской улыбкой. О да, гиперопекающая птица определённо покинула гнездо.

— Рассказываешь все мои секреты, хм? — спрашивает Эрин, садясь на место, у которого стоит надколотая тарелка и стакан апельсинового сока.

— Конечно нет, — отрицает её мама, едва подавив веселье за своими словами. — Только про тот случай в пятом классе, когда ты открыла для себя Робин Гуда.

Эрин стонет.

— О боже. Это ещё хуже, чем я ожидала.

— Что? Это мило.

На губах её матери играет улыбка. Приятно видеть, как она веселится, даже если в ущерб Эрин.

— Мы можем вместо этого просто показать ему мои фотографии в младенчестве? Это было бы не так стыдно.

— Ты была очаровательна с убранными под эту зелёную фетровую шляпу волосами. Те соседские мальчишки не знали, как тебя расценивать. Видела бы ты, как они смотрели.

— Это не комплимент, мама.

Она бросает взгляд на Блейка, который наблюдает за пересадкой с нескрываемым весельем.

— Я слышал, там был лук и стрелы, — добавляет он дразнящим голосом.

Её мама довольно вздыхает.

— К стрелами были приклеены блестящие перья.

— Ладно, слушайте, — произносит Эрин, наконец, вставая на свою защиту. — Они забирали деньги из коробки для пожертвований в общественном центре. Это не правильно. Нельзя винить мои мотивы.

— Я бы не посмел, — серьёзно отвечает Блейк. — Не тогда, когда ты вооружена и опасна.

Она сужает глаза, обещая кару, когда её мамы не будет в комнате, но эффект рушится её усмешкой. Ох, ладно, это было забавно. Не в то время, когда она была уверена, что несправедливость можно вылечить изогнутой палкой и какой-то бечёвкой. И каким-то образом это сработало, потому что, как сказала её мама, мальчишки слишком испугались её рутины Робин Гуда, чтобы действительно спорить. Они больше никогда не прикасались к коробке для пожертвований. Хотя позже она узнала, что хороших намерений и храбрости не достаточно.

Эта мысль останавливает её на месте. Когда она стала такой измученной? Во время учёбы в старшей школе, с Дагом? Она не уверена, но ничего из этого не правда. Хороших намерений и храбрости достаточно. Может быть, это притянуло её к Блейку. Он олицетворяет оба эти идеала. Его не сможет остановить даже огонь, его шрамы являются этому доказательством.

Кажется, Блейк чувствует изменение в её настроении, потому что становится более серьёзным. Игривый блеск в его глазах уступает место обдуманному беспокойству. Не отрывая взгляда от Блейка, Эрин обращается к своей маме, которая допивает последние остатки своего кофе.

— Если ты здесь закончила, я могу усадить тебя на диван. Можешь посмотреть телевизор.

Её мама фыркает.

— Мне не нужна помощь, чтобы добраться до гостиной.

— Всё равно, я провожу тебя туда.

Она усаживает маму с подушками и подаёт ей стакан воды. Даже с благословением доктора она переживает за свою маму. И несмотря на острую необходимость вернуться с Блейком, она планирует остаться, пока не убедится, что её мама будет в порядке и справится сама.

Её мама опирается на руку, поднимаясь из-за стола и пересекая короткую дистанцию, доказывая, что Эрин нужно побыть здесь некоторое время. Она находит одеяло, чтобы укрыть ноги мамы, а ещё несколько её любимых книг, чтобы она почитала. Девушка говорит себе, что просто заботится о своей маме, но, по крайней мере, частично, она отвлекает её. Внутри неё сформировалась обжигающая, болезненная необходимость — поговорить с

Блейком, обнять его, а это не получится особо хорошо, когда в маленьком пространстве за ними наблюдает её мама.

Телевизор начинает орать смехом и голосами, когда включается утреннее ток-шоу, захватывая внимание её мамы. Эрин спешит обратно на кухню под предлогом уборки, где находит, что Блейк уже с этим разобрался. Он готовит, он убирает. Для её больной матери. Боже, если бы она уже не была в него влюблена... но влюблена. Полностью, всем сердцем влюблена.

Блейк поднимает взгляд от раковины, полной мыльной воды.

— Что такое? Почему ты улыбаешься?

Эрин подходит ближе, чтобы встать за ним, обвивая руками его крепкую талию и прислоняясь головой к его спине.

— Просто представляю, как буду делать это в твоём доме, когда вернусь. В нашем доме.

Он напрягается в её объятиях.

— Эрин.

Она смеётся над ноткой предупреждения в его голосе.

— Только если ты не передумал насчёт моего переезда к тебе.

— Ты знаешь, что не передумаю. Нет необходимости спешить.

— Хорошо, потому что, вероятно, пройдёт несколько недель, прежде чем я смогу вернуться. Я хочу остаться и убедиться, что моя мама в порядке.

Он разворачивается и притягивает девушку в объятия. Его ладони на её руках и волосах мокрые и скользкие, а ей плевать.

— Я могу остаться с тобой, — бормочет он. — И снять номер в мотеле, если мешаю.

— Конечно нет. Тебе нужно ехать обратно и готовиться к осеннему семестру.

— Как ты узнала, что я согласился на работу?

— Ну, я была не уверена, — признаёт она. — Но теперь уверена.

Мужчина со смехом фыркает.

— Очень мило, мой маленький социалист.

Она стонет, вспоминая историю с Робин Гудом.

— Ты действительно теперь будешь так меня называть, да?

— Абсолютно. И мне может понадобится увидеть костюм. С колготками.

— Ладно, но ты будешь девой Марианной.

Он пожимает плечами.

— Как пожелаешь.

Она смеётся. Он, вероятно, справится с этим или с чем-либо ещё. Его мужественности едва ли что-то может угрожать, пока он стоит весь сильный и крепкий, пахнущий мылом и слабым мускусом, который она может узнать и во сне. И понимает, что узнала во сне, когда думает о прошлой ночи. На её щеках появляется румянец.

Его глаза темнеют, и он наклоняется, чтобы уткнуться носом в её шею.

— Ты говорила серьёзно? Ты останешься со мной?

— О таком я не могу шутить, — честно говорит она. Это значит слишком много. Она чувствует слишком много. И она уже смирилась с тем фактом, что это в ближайшее время не изменится. Любовь превратила её в сырой обнажённый нерв, и единственный оставшийся выбор — искать убежище в его объятиях.

По его телу бежит напряжение, хотя он молчит. Долгое мгновение Блейк ничего не говорит, прокладывая дорожку из лёгких поцелуев вниз по её шее и вдоль плеча.

— Я благодарен, — хрипло произносит он, и Эрин понимает, что не единственная нуждается в убежище. Она обвивает его руками, едва обхватывая его, но чувствует, как он содрогается. Её глаза полузакрыты, она слепо ищет его губы, находя их тёплыми и крепкими, прижатыми к её. Эрин как в тумане, но он ведёт её, командует ею, пока она не находит сладкий ритм их поцелуя и не понимает, что уже дома — с ним, обнимая его и находясь в его объятиях.

— Жди меня, — шепчет она.

— Вечно, — бормочет он. — Я буду ждать тебя вечно. Хотя если ты вернёшься поскорее, я сделаю так, чтобы оно того стоило.

Она тихо смеётся, прежде чем притянуть его ближе для очередного поцелуя.

Глава 8

Три недели спустя

Несмотря на количество раз, когда Эрин раздевалась в спальне Блейка, кажется странным делать это без его крепкого, сексуального присутствия. Бриз от кондиционера вызывает мурашки на её коже. Луч света между закрытыми занавесками рисует жёлтую полосу на её обнажённой коже, пока она сбрасывает свою юбку и топик. Она останавливается, поддев большими пальцами трусики. Она действительно сделает это? Судя по всему, что знает, она будет выглядеть нелепо, раскинувшись на кровати. С Блейком всё иначе, но, опять же, его тело крепкое, мужественное и совершенно негибкое. Девушка с сожалением признаёт, что её тело мягкое. Он, кажется, любит её изгибы, но это не значит, что ей нужно демонстрировать их.

Нет, о чём она думает? Он больше открывается людям с каждым божьим днём — более того, незнакомцам. И в тот маловероятный день, когда она застала его за мастурбацией, он раскрыл себя ей. Своё удовольствие, своё тело. Своё сердце. Будет справедливо, если она вернёт услугу.

Эрин скидывает свои трусики и расстёгивает лифчик, позволяя ему упасть на пол среди других кучек одежды. Наполовину склонившись, она почти поднимает их, чтобы сложить... задерживаясь, конечно. Даже полную решимости, её дёргает желание отказаться, спрятаться. Но Блейк может подъехать к дому в любую минуту. Она не сможет воспроизвести элемент внезапности, учитывая, что её отремонтированная машина стоит около дома. Но она может сделать уязвимость реальной.

Забравшись на его кровать, девушка откидывается назад, чувствуя себя необъяснимо неопытной. Её соски твердеют от прохладного воздуха, хотя на лице жар от смущения. Когда она скользит дрожащими пальцами вниз, к своей киске, она находит свои губы сухими и скрученными. Тяжело сглотнув, Эрин закрывает глаза. Очевидно, это требует немного воображения. О чём он думал в тот день? Теперь она вспоминает. Её рот, его член. Она сосала ему в той маленькой фантазии, и, чёрт побери, для неё это тоже срабатывает. Она любит его вкус, его форму, маленький выступ внизу, идеальный для того, чтобы она зацепилась языком, заставляя его содрогаться. Представляя это сейчас, она легко касается двумя пальцами своего клитора, подогревая себя одним контактом. Никакого давления, никакого трения — только прикосновение.

Позволив своему разуму унести, девушка падает глубже в фантазию. Волоски на его бёдрах царапают чувствительные изгибы её груди, пока она стоит на коленях между его

ног. Его ладони беспокойно путаются в её волосах, сжимая и отпуская, будто он не может решить, что делать. Он стонет с каждым движением её губ по скользкому члену. Всё его тело напрягается, когда она наклоняет кончик языка к его щёлке, и она практически чувствует вкус его солёной спермы.

Эрин представляет, как он находит её. Был бы он удивлён? Или, может быть, нет. То, чем они занимались, намного грязнее, чем то, как она ласкает свой клитор или щипает себя за соски. И всё же, в её центре появляется дрожащее ощущение, предупреждая её, ругая её. “Не доводи себя до этого, — говорит оно. — Жди. Просто жди”. Но чего? Она никогда не понимала. Чтобы мужчина сделал первый шаг. Чтобы её мама направила её по безопасной дороге жизни. Чтобы Блейк решил, что она достаточно сильная, чтобы остаться.

Что ж, к чёрту это. Её отношения с Блейком могли начаться неловко и унижительно, но она всегда была равным участником. Её могла воспитать мама, но эти последние несколько недель Эрин заботилась о ней. И она надеется, что Блейк больше в ней не сомневается, действительно надеется.

Но важно то, что она знает, что достаточно сильна, чтобы стоять рядом с ним, с какими бы проблемами он ни встречался. Его физические травмы, которые всё ещё причиняют ему боль. ПТСР (прим. пер.: посттравматическое стрессовое расстройство), которое, вероятно, будет причинять боль всегда. И зарождающаяся неуверенность в себе, которая всегда будет рыскать в тени этого властного, уверенного мужчины. Эрин может справиться с чем угодно, со всем этим. Она делает это всё время, что они вместе, и никогда не была счастливее. И она знает, без эго или вымысла, что он тоже никогда не был счастливее.

Любовь не удар молнии, не острая точка с определённым началом и неизбежным концом. Любовь — это убежище от шторма, передышка от её страхов и облегчение от реальности его боли.

Воздух вокруг неё меняется, но вместо холода её кожу охватывает тепло. Маленькие искорки от её сосков, направляющиеся вниз к её центру, дают ей знать, что за ней наблюдают. Чувство удовлетворённости, которое появляется в её теле, даёт ей знать, кто именно наблюдает. Её складочки становятся более скользкими от внимания, но Эрин держит свои глаза крепко закрытыми. Это для него... и для неё. Безрадостный затаённый стыд делает её возбуждение ещё горячее. Мягкие шаги по ковру раздаются ближе.

Её губ касается нежная ласка.

— Красавица, — произносит Блейк.

Прежде всего, она знает, что он честен, и её сердце сжимается от того факта, что мужчина считает её красивой, что он считает красивыми её губы и лицо, когда перед ним раскрыто всё её тело. Из-под её закрытых век просачивается слеза. Он ловит её своим пальцем и ведёт по появившейся дорожке вверх по её щеке.

— Не грусти, — говорит он, и она слышит печаль в его голосе — невыразимую грусть от того, что он увидел, через что прошёл. Если кто и понимает страдания, то это он. И всё же, он, кажется, получает больше радости, чем кто-либо, кого она знает. Блейк находит радость в её теле, в её компании. Он находит радость в книгах и преподавании. Он находит радость в том, что снова живёт, и её любовь к нему безграничная, растущая.

— Ох, Блейк, — произносит она, слишком задыхаясь, чтобы сказать больше. Затем её слезы текут усерднее.

Он освобождает себя. По крайней мере, так ей кажется. Мужчина подхватывает её на руки и убаюкивает в объятиях. Эрин замечает толчок его эрекции, но он не будет этим

пользоваться, пока не поймёт, что она в порядке. Она в порядке. Более чем в порядке, что выливается в грусть, а затем снова в вечный узел мощных, жизнеутверждающих эмоций. Одно неотделимо от другого. Она не смогла бы узнать любовь без разбитого сердца. Он не смог бы найти утешения без боли.

— Не плачь, — бормочет он в её волосы. — Зачем это было? Чтобы показать мне, что ты хочешь меня, что тебе не всё равно. Я знаю это, моя милая девочка. Ты не думаешь, что я знаю? Ты показываешь своё сердце в каждом выражении, и видеть это прекрасно.

Каким-то образом ей удаётся найти свой голос.

— Ты не можешь говорить так и ожидать, что я не буду плакать.

Его грудь расширяется от тихого смеха.

— Вот это моя девочка.

Эрин утыкается лицом ему в грудь, её мокрые и скользкие щёки прижимаются к его майке. Она неуклюже стягивает её через его голову, отчаянно желая почувствовать его, кожа к коже, чтобы между ними не стояло ничего. Его тело остро ощущается после долгого отсутствия: твёрдая поверхность мышц, волосы, щекочущие её нежную кожу. Девушка вздрагивает, прижимаясь к нему, подаваясь ближе, до боли желая ощутить его крепче, более глубоко. И, слава богу, кажется, он понимает. Кажется, ему это тоже нужно. Мужчина вплотную прижимает её к себе, практически оставляя на ней синяки, нуждаясь в ней.

Блейк переворачивает их, чтобы она лежала на спине, чувствуя кожей прохладные простыни. Его рот удерживает её внизу, его руки исследуют Эрин, лаская её всю, а затем он начинает двигаться вниз. Оставляя поцелуи на её шее и в ложбинке между её грудей, нежно целуя изгиб и посасывая кончики этих холмов. Затем опускается ещё ниже, пока её живот трепещет под рыскающими губами.

— Блейк, — произносит она, в предупреждении, в мольбе.

— Просто потерпи, — бормочет он. — Будь для меня хорошей.

И она теряет и слабеет в его руках. Её ноги раскрываются, позволяя ему исследовать внутренние стороны бёдер. Мужчина издаёт тихий звук удовольствия, чувствуя влажность её центра. Властные пальцы погружаются во влагу и распределяют её по набухшей плоти. Он рисует мокрые круги вокруг клитора, пока не исчезают все следы сдержанности. Пронзая её, он вытягивает к её входу больше возбуждения. Блейк убирает от неё ладонь и влажным кончиком пальца рисует сердечко на её плоском животе. Она улыбается в чувственной дымке и тянется к нему. В ответ он ловит её ладонь и сосёт кончик пальца, посылая разряды к её центру. Затем наклоняет голову, чтобы вылизать беспорядок, который он на ней устроил. Сначала животик, выводя языком форму сердечка. Затем ниже, её половые губы, затем внутри. Он добирается до её клитора, который стал слишком чувствительным, и она подскакивает, ошеломлённая, заморожённая.

— Пожалуйста, — стонет она, не уверенная, о чём просит. Об облегчении или о передышке, о большем или о меньшем. Это всё смешивается вместе в миазме желания. — Блейк.

— Ты можешь это вынести, — произносит он, уже тише, вдохновляя. Мужчина поднимает её ноги выше, дальше и более уверенно, чем обычно. Её колени прижимаются к его груди, захватывая её в ловушку, раскрывая её. Его глаза горят голодным блеском, пока он смотрит на неё.

— Пожалуйста, — повторяет она.

Держа обе руки на её бёдрах, он наклоняется, чтобы оставить горячие жадные поцелуи

на её киске, посасывая и вылизывая, пока она не начинает извиваться. Но он держит её слишком крепко, чтобы она могла много двигаться или сбежать — и слава богу, потому что Эрин не хочет, чтобы он останавливался, не совсем. Она хочет больше и сильнее. Её тайные мышцы сжимаются в молчаливом вопросе, моля быть заполненными, но пустуют, пока он дразнит её клитор до забвения.

— Ты моя, — бормочет он, словно фантомом ласки обдавая дыханием её складки. — Теперь я тебя не отпущу.

Да. Его.

— Пожалуйста.

Блейк мрачно усмехается.

— Тебе придётся научиться терпению. Ну, у нас будет много времени для практики.

Затем он касается губами клитора, и весь её мир чернеет, а под веками взрываются звёзды. Пока она восстанавливается, он входит в неё, толкаясь грубо, без ритма или ловкости, так идеально, что по её щекам текут слёзы. Она кончает ещё два раза, прежде чем он становится жёстче, по-прежнему раскачиваясь, пока изливается в неё. Она принимает всё. Его сперму, его пот. Его любовь.

Блейк наклоняется к ней, тяжело дыша. Эрин ловит его, когда он хочет откатиться, бормоча что-то о том, что тяжёлый. Он тяжёлый и идеальный, и она хочет вечно чувствовать этот прекрасный вес.

— Женись на мне, — шепчет девушка.

Он замирает. Через мгновение отстраняется, рассматривая выражение её лица, её взгляд.

— Что?

Она улыбается.

— Вы меня слышали, профессор.

— Ты... ты планировала попросить меня?

Следует признать, что это нетрадиционно. Другие пары организуют шампанское и причудливые ужины.

— Я подумала, что нам следует начать так же, как мы хотим двигаться вперёд. Или двигаться вперёд так, как начали.

С сексом. С мастурбацией, если быть конкретнее. Но более того. С влечением, таким глубоким, что им приходится действовать на него. С уважением, таким сильным, что они были осторожны, внимательны и радостны на каждом шаге пути. Нетрадиционно, уникально или просто чертовски странно — ей плевать. Так начались их отношения, с его мгновения уязвимости в качестве подарка для неё, и она хотела сделать ему предложение и вернуть услугу.

— Ну, профессор?

Её сердце начинает биться быстрее.

На его лице появляется медленная улыбка.

— Эрин.

Что на самом деле не ответ. Она приподнимает бровь.

— Боже, ты прекрасна.

Он тянется к прикроватной тумбочке.

По-прежнему без ответа.

— Если ты прямо сейчас возьмёшь секс-игрушку, я могу передумать насчёт своего

предложения.

Но у него нет секс-игрушки, судя по маленькой чёрной коробочке. Если она раньше думала, что её сердце бьётся быстро, то это ничто по сравнению с тем, как оно стучит сейчас. Блейк открывает коробочку, демонстрируя блестящее кольцо с большим алмазом в центре и маленькими, еле заметными по всему ободку. Её сердце останавливается.

Слова приходят ей на ум поспешно: “Если ты смог писать... Я смогу ходить...” Если он смог оставить в прошлом свои шрамы, вернуться в мир, меньшее, что может сделать она — оставить в прошлом свои страхи и поверить, что он не уйдёт. “Мир может перевернуться с ног на голову...” И переворачивается.

— Да, — просто говорит он. — Я женюсь на тебе.

Блейк не просто отвечает ей, он просит, с кольцом, которое пряталось в ящике прикроватной тумбочке... как долго? Её горло сжимает счастье, лишая дыхания. Ей приходится выдать слова, притвориться легкомысленной, иначе она бы вовсе не смогла заговорить.

— Ну, я сказала никаких секс-игрушек. Но, должна тебе сказать, вот эта очень сексуальна.

Его губы изгибаются в самодовольной маленькой улыбке.

— Думаю, оно будет выглядеть на тебе великолепно. Без ничего другого.

— Оу, значит, всё это было уловкой, чтобы раздеть меня, — говорит она, очевидно дразнясь, так как уже обнажена, равно как и он.

— Кажется, это работает, — отвечает он, надевая кольцо ей на палец. Оно блестит в тусклых вечерних тенях, отражая даже едва заметный свет. Но никакие сверкающие грани или гладкие металлы не смогут сравниться с совершенной, болезненной красотой мужчины перед ней. Мужчины, которого она любит.

Блейк задерживается в коридоре, наблюдая за тем, как Эрин переворачивает страницу газеты. Его тело напрягается от сексуальной картины. Солнце просачивается сквозь эркерные окна, блестит золотом на её волосах и освещает черты её тела под белой рубашкой. Его рубашкой, хотя на Эрин она сидит намного лучше, чем когда-либо будет на нём. Верхние пуговицы расстёгнуты, позволяя ему взглянуть на изгиб её груди, пока она наклоняет голову, напряжённо читая.

Девушка поднимает взгляд и улыбается.

— Доброе утро.

— Доброе.

Он проходит в уголок для завтрака, не желая отвлекать её. Будто это её комната, её дом. И, боже, так и есть.

Эрин согласилась выйти за него замуж, что значит, что всё это принадлежит ей так же, как и ему. От этой мысли его переполняет чувство удовлетворённости. Он сможет позаботиться о ней. И он иронично думает, что получит заботу в ответ.

Блейк не замедляется, пока не подходит к ней, встав рядом с её стулом и приподняв её подбородок, чтобы она посмотрела на него. Он проводит большим пальцем по её губам, довольный тем, как она дрожит в ответ.

— Ты счастлива, — произносит он. Утверждение, вопрос? Он не уверен.

— Слишком сильно, — скромно улыбается девушка. Она краснеет? — Я не уверена, что сделала, чтобы заслужить это.

Боже, она убивает его. Покорная и гордая, добрая и свирепая. Изучение противоречий в прекрасной упаковке, обожать которую он никогда не устанет. Как магнит, его губы находят её губы. Он наклоняется, чтобы поцеловать её, оставляя их обоих бездыханными.

В какой-то момент во время натиска её ладони хватаются за его голые плечи. На нём надеты только его брюки, в которых он был вчера, поднятые с пола. Кажется, они могут найти полный комплект одежды только вместе — и без нижнего белья. Никакого лифчика, насколько он видит. Чёрт, сегодня ему будет тяжело оставить её в покое. И каждый день. Особенно учитывая кольцо, которое сверкает на её пальце. Его кольцо. Этот вид наполняет его одержимостью.

Умиротворением.

— Теперь я не собираюсь тебя отпускать. Ты ведь это знаешь?

Он не знает, почему всегда предупреждает её. Даже сейчас.

Может быть, потому что знает, что она не откажет.

Эрин усмехается.

— Думаешь, я тебя отпущу? Ни единого шанса. Так что осваивайтесь, мистер.

Ох, чёрт. Он ни за что не оставит её сегодня в покое. Блейк поднимает её со стула, крепко прижимая к своему телу, огибая руками её изгибы.

— Боже, я уже освоился.

Мужчина снова целует её, раздумывая, успеют ли они добраться наверх до спальни. Но затем она целует его в ответ — на самом деле прикусывает его нижнюю губу — и он совсем перестаёт думать. Он окружает её, телом и сердцем. Блейк тонет в ней, находя убежище в сладком принятии и безграничной любви.

Нет границ в том, что бы он сделал ради неё. Он бы забрался на горы, сразился с драконами — но она просит его только об обещании. Так что Блейк всегда принадлежал ей, прежде чем даже понял это, споткнувшись в минутной слабости, пленённый принятием всем сердцем и обновлённый любовью, которую будет заслуживать каждый будущий день.

Конец

Больше книг Вы можете скачать на сайте - Knigolub.net